

№ 1 январь 1972

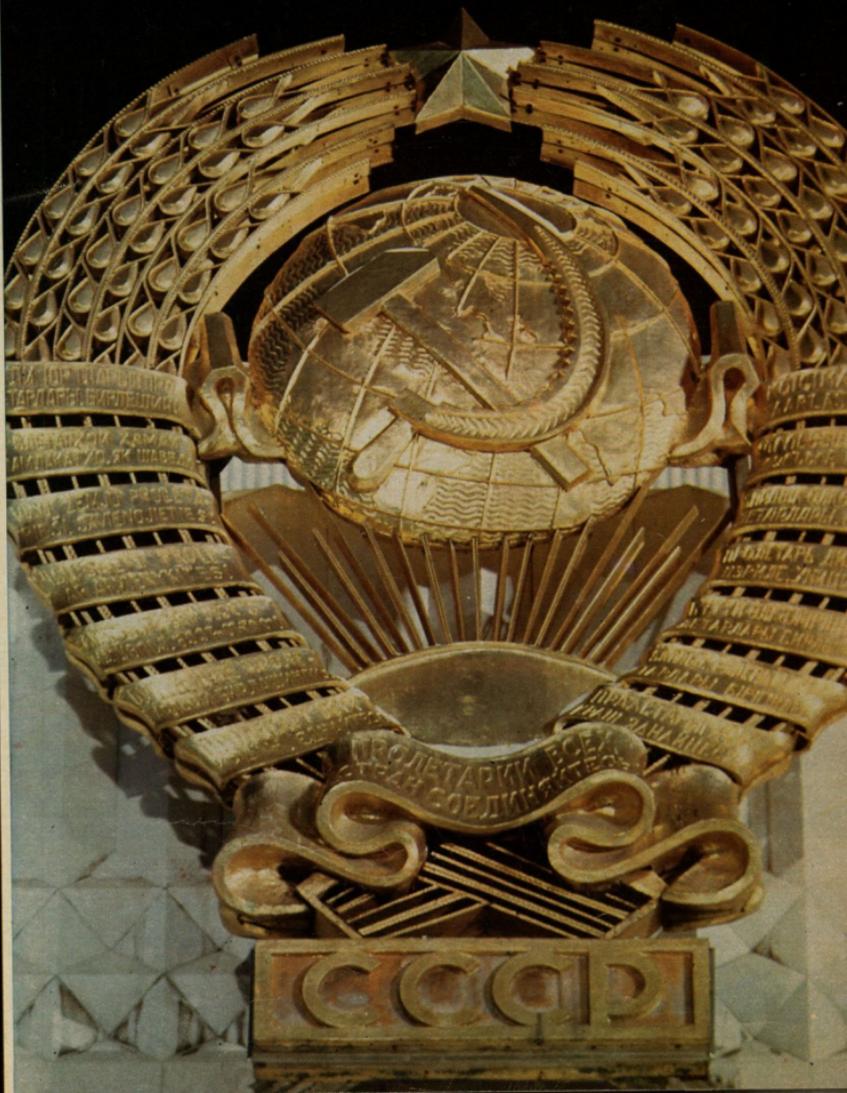
издательство «ПРАВДА», МОСКВА

ОМОНА

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ЕСТЬ СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО, ОБРАЗОВАННОЕ НА ОСНОВЕ
ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РАВНОПРАВНЫХ
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

(Из Конституции СССР)

СОРЕВНОВАНИЕ ЧРЕЗДВАЖНО ПЯТИДЕТКИ

на столе секретаря комитета комсомола Челябинского металлургического завода Петра Сумина лежит памятная медаль. Вместе со специальным удостоверением ее вручают лучшим молодым рабочим, победителям социалистического соревнования. Медаль эту отлили из стали, сваренной бригадой Панфиловского 22 апреля 1970 года. Впрочем, в бригаду входили не обычные подручные, а лучшие сталевары страны, получившие право сварить юбилейную плавку.

Инициатором Всесоюзного соревнования сталеплавильщиков за выпуск юбилейной плавки в честь столетия со дня рождения Владимира Ильича выступила комсомольско-молодежная бригада Ивана Панфиловского. И вот кто: сталевары страны выплавляли около двух миллионов тонн стали сверх плана.

Участие в соревновании за право сварить юбилейную плавку означало большое внимание и на ночной результат работы нашей бригады в восьмой пятилетке: сверх плана выплавлено 8 389 тонн стали. В первом году новой пятилетки мы планировали получить сверх плана восемьсот тонн. Думаю, сможем легко перевыполнить свои обязательства. Сегодняшняя плавка, если все пойдет нормально, даст нашей бригаде полуротарысскую сверхплановую тонну стали.

Бригады сталеваров с Челябинского металлургического завода соревнуются между собой и со своими коллегами — металлургами Украины, Казахстана, Грузии. Они регулярно встречаются, традиционным стали плавки «Дружба» сталеваров из разных уголков страны, где металлурги делаются опытом, ищут новые пути повышения производительности труда. И естественно, что соревнование за право сварить юбилейную плавку «Дружба» в честь пятидесятилетия СССР должно было вызвать интерес всех сталеваров страны. И недавно Иван Никитович Панфиловский снова вызвал своих коллег на соревнование за право сварить юбилейную плавку в честь пятидесятилетия образования СССР. Его предложение уже поддержали сталевары Магнитки, Запорожья, Электростали...

— С Панфиловским я и решил поговорить о значении соревнования в жизни рабочего коллектива. Но сначала немного о нем самом и о его бригаде.

Привыкнув глаза раною, но и сквозь пальцы пробивается слепящий свет. Панфиловский протгивает темные очки, напоминающие по форме пенсне, уставшее борется с модой. В детстве через закопченное стеклышко и пытался рассматривать на солнце драгоценные явта и видел сумрачный односторонний круг. Через «миллиметровый» мартена бьют пять маленьких солнца. Они ярче детских. Аж больно глазам.

— С неправычки, — услонявает меня Панфиловский. — Я из отпуска возвращаюсь — добрую неделю в форму вхожу. За месяц глаза отвыкают от металла.

С грохотом мчится за спиной грузозагрузная машина, прижимает нас к стенкам клоуноватой дахтостонной «аэстрилки», наполненной жидкой розовой сталью. «Аэстрилка» мартовскую печь назвав третий подручный Панфиловского Саша Иванов. У недавнего выпускника профтехучилища такое сравнение прозвучало вызывающе смело. Возможно, оно идет от привычной близости к огню и стали, но скорее всего манеру обращения с мартеном Саша перенял у своего учителя. Панфиловский, когда в хорошем настроении, называет мартен пещурой, а себя борцовваром. «Хороший борц сварит тоже не просто. Чтобы варено и погуще было и покрелче, нужны всякие спецни. Все, как у нас, только сталь на язык не попробуешь». И смеется тихонько, а подручные воево заливаются. Попривалился бригадирская шутка. И никаких громких слов о своей профессии. Да и не может он произносить их потому, что истинная любовь не терпит шума и самовосбоявления. От хохота прыгали на головах подручных каски. А Панфиловский отвернулся и молча смотрел в сторону ярких огней мартена. Потом кивнул, и Валентин Новичкин заспешил к мартену наперевес с термометром, напоминающей старинное копье с загнутым концом или пастушью герельку. Иванов бежал следом, размахивая на ходу буюту тонкого черного шаранга.

— Тысяча шестьсот сорок, — сказала сталевар.

Через минуту подручные доложили: «Тысяча шестьсот сорок пять».

Я удивился точности, с которой Панфиловский на глаз и с довольно приличного расстояния определял температуру жидкой стали. Точно так же, на глаз, но скорее он определяет содержание углерода в металле. Лаборатория сообщает анализ металла через несколько минут после того, как его сделают «на ощупь» Панфиловский. А для того, чтобы не переварить сталь, довести ее до заданной марки, иногда важны секунды. Объяснять тонкости сталева я мне не стал. Не потому, что это профессиональный секрет. Просто надо не один год у мартена простоять.

Первый подручный Евгений Ковригин заполняет плавильную карту, своеобразный бортовой журнал плавки. А мы сидим на капитанском мостике, за стеклянной стеной, отгораживающей нас от цеха, у пульта управления девятипечи.

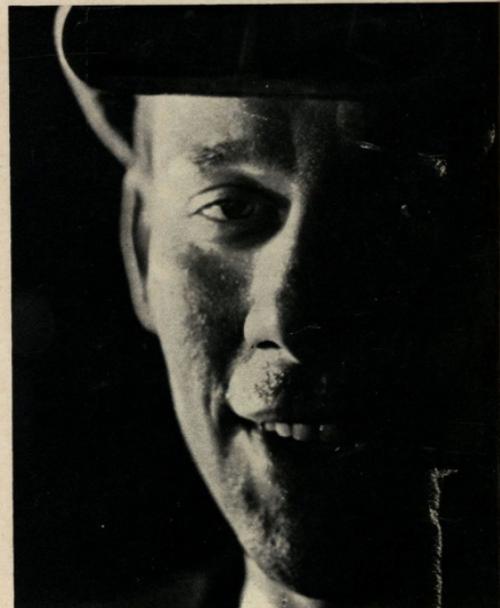
Кухня здесь сложная. «Приготовление» металла контролируют датчики, самописцы.

— Через час выпустим, — говорит бригадир, одним взглядом скхватывая показания многочисленных приборов, и тяжело усаживается на стул. От его войлочной куртки еще исходит медленный пар и свисает с дыноч. Аерты, скрывая уставшее и врозь постаревшее лицо бригадира. Резительный контраст с тем молодым и смешливым Панфиловским, которого видел накануне на областном собрании передовиков социалистического соревнования. Тогда я удивился молодости сталева со Звезды Героя на грузи и спросил его о возрасте, хотя, думаю, что и у мужчин иногда неудобно спрашивать об этом.

— Уже тридцать пять или всего тридцать пять. Как вам захочется, — засмеялся он.

— Сколько же из них у мартена?

— На заводе с шестнадцати. Сначала в ремесленном учился, а через два года в сталевары попал.

С Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета РСФСР сталеваром Челябинского металлургического завода Иваном Никитовичем ПАНФИЛОВСКИМ беседует специальный корреспондент «Смены» Анатолий БАРАНОВ

— Сразу в сталеваля?

— Конечно. В нашем мастерском все мастера, инженеры и даже начальники цеха поработали подручными. На сталеваля на в школе, ни в институте не выучился. Так что был я и третьим подручным, и вторым, и первым. Подвешивал сталеваля работа. Все лези кузниц. Потом уже само, давая, получаю.

— Присел в цехе как близнецы. По одному проекту сделаны. Чем же они отличались?

— Характер. Могут быть у близнецов разные характеры? То-то. В одном мартене сталь сильнее индустрия, во втором быстрее греется. В общем, в каждой своей норме. В первом мартене Ювралский завод, забелевшего сталеваля заменил. И вот бенгит, руками разводит: «Странно как-то получилось. Он и меня «девятку» привнес, а у соседнего характер совсем другой. Это как разговор с незнакомым человеком: общий язык не сразу найдешь».

— Но, быт может, Ковригина...

— Что вы, он настоящий сталеваля! Сноро свою бригаду собирать будет.

— И за ними, как за каменной стеной. Но что делать, вырост человек. Когда-то и меня нехотю отпустили...

— Кто ваш первый учитель?

— Петр Гаврилович Игалева и Федор Александрович Алым. Игалева учил меня сталь понимать, а Федор Александрович — жизнь. И сейчас чуть-чуть — нау к ним...

Были подручные Панфиловский Виктор Михайлов и Николай Колзоровский тоже стали признанными мастерами (Николай на седьмой, а Виктор на десятой), но за советом и помощью приходят к своему учителю. И, конечно же, это не просто дань уважения человеку, научившему тебя мастерству, а знак признания высших человеческих свойств и качеств. В прошлой пятилетке Ивану Панфиловскому соревновались с бригадой Юрия Смирнова, работавшей на восьмой печи. На «девятку» впервые внедрили систему комплексного автоматического регулирования теплового режима. Пока систему отлаживали, бригада Смирнова вырвалась вперед. Потом автоматика позволила поднять производительности труда на один процент и отставать стали бы быстрее догнать сталеваля с восьмой. Но одна система заработка уверено, Панфиловский пошел к Смирнову и показал, как лучше пользоваться новинкой, как быстрее получить заветный дополнительный процент. Автоматическая система на восьмой прижилась менее болезненно, а потом заработала и на седьмой и десятой печах... И каждая бригада за счет внедрения новинки сэкономила 25 тысяч рублей, сберегла около двухсот тонн условного топлива.

— Главная цель соревнования не достижение какого-то рубежа одним человеком, а массовое движение и высшие показатели. Дичные трудовые рекорды тем и хороши, что они лишь путевые вехи. Сегодняшний рекорд завтра станет нормой. Высочай темпов роста производительности труда можно достичь, прежде всего на основе новизны техники, чужих навыков. Рост производительности труда — середина сегодняшнего соревнования, а не разрыв и фориса. Вот возмите социальность в нашем цехе, индивидуальные или коллективные, все равно: там есть пункты и у внедрения нового оборудования, и современной технологии, и эффективных приемов труда...

Панфиловский показал мне обязательство своей бригады и участка. В них личное тесно переплелось с общественным. Сам бригадир обязался заботиться, техникум, подготовить к самостоятельной работе трех подручных, развить и внедрить несколько рационализаторских предложений. Также же обязательства и у всех других в бригаде. Контроль за их выполнением ведет специальная цеховая комиссия и прежде всего сами авторы обязательств. Несколько месяцев назад в комитете комсомола одного из заводов Сибири даже показали красиво отпечатанные листки с личными обязательствами. Обязательства-близнецы только подлились разны. На другом заводе я оформил десять молодых токарей, и никто из них не мог вспомнить, что же он конкретно обещал сделать для повышения производительности труда на своем рабочем месте. Там к личным обязательствам отнеслись формально: попросили срочно заполнить стандартные бланки, подшили их, отработавшись. И забыли. Забыли наладить систему выполнения обязательств, забыли о помощи молодым производственникам. Ничего удивительного, что при подобном отношении к соревнованию со стороны комитета комсомола и соревнующиеся забыли о своих обязательствах!

Странно, конечно, когда такая деловая руководит биоркаторы. Они готовы взять обязательства сразу за весь коллектив, нарушая тем самым демократические основы соревнования. Или объявить победителем человека случайного. Мне присягнул записки вразница полевые цеха сразу, так сказать, оптом. И только для того, чтобы обойти по этому показателю соседний завод. Безудержный людей и за версту нельзя подпускать к руководству соревнованиями. Но я знаю, что немало формализма нигде привнес в соревнование люди веры и заинтересованные, но не умеющие его организовать. Руководство соревнования — целая наука. И людей надо обучать. У нас есть большой опыт, но организовать соревнование и руководить им становится, как ни странно, все сложнее. Помоги кто новейший организатор. Описано не могу — освоившись на наших границах, оно растет и развивается вместе с нами и нашим производством. Производство не становится все сложнее, структура его усложняется, значащее качество достижений коллектива и беречьность человека или бригады, а от множества самых разных людей и слуги. И почти невозможно выдержать ваш или мой вклад в конечный результат, забывая не четкие критерии оценки деятельности любого человека или коллектива необходимо найти, иначе трудно будет определить, кто вперед, а самое главное — кто отстает. Ведь отстатьшему необходимо помочь в первую очередь.

— Но точные критерии оценки эффективности соревнования нужны не только при проведении игр. Они необходимы при организации всего дела. Лишь с их помощью можно придать соревнованию определенную направленность, поставить конкретные цели: борьбу за экономичность и беречьность, внедрение новаторских методов и достижений науки и техники, повышение производительности труда. Такая конкретность нужна и для бригадных и для личных игр; вот когда можно ожидать от соревнующихся большей отдачей. И сравнивать результаты их труда.

— Несомненно.

— Иван Никитович, какова, на ваш взгляд, роль соревнования в воспитании человека?

— Большая. Но ответить так — значит ничего не сказать. Труд в нашей стране — единственный путь создания материального богатства общества, и в то же время он дает единственную возможность самоутверждения и самовыражения личности. Величайшее завоевание социализма в том, что при нем целью трудовой деятельности человека является не развитие производства ради производства, не увеличение материального богатства, ради богатства, а развитие человеком самого себя, своих способностей и потребностей. Одна из главных потребностей — труд. Недаром Ленин называл труд «фундаментом человеческого бытия». Суть советской системы труда приобрет общественный смысл, а каждому рабочему не безразлично, кто его трудит, и кто трудится за него. Стремление к совершенству, к виду, сделать как можно больше и лучше. И соревнование в этом смысле дает общественную оценку каждому человеку, каждому коллективу.

— Значит, человек или коллектив, не соревнуясь, лишаются важнее всего общественного признания, а потом уже какое-то материальное вознаграждение?

— После экономической реформы материальным стимулом удалось много внимания естественно, великий труд должен оплачиваться. Различные

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 1 (1071)

ЯНВАРЬ 1972

НАША ОБЛОЖКА: Герб Союза Советских Социалистических Республик на флоте Брежневского Дворца съездов. Фото Николая РАХМАНОВА

4

ПАМЯТЬ НЕ ГАСНЕТ.
Комсомольско-полюнерский пост у монумента Славы воинам-сибирякам.

12

КРАСОТА РОДИНЕ ЗЕМЛИ.
30 ЛЕТ СССР.
ТЫ САМАЯ ЛЮБИМАЯ.

20

ОЛИМПИЙСКАЯ СЕРИЯ:
ХОККЕЙ.

24

СИНИЕ ЛЮДИ.
Фантастический детектив.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СЕРВИС И МОЛОДЕЖЬ.
РЕПОРТАЖ О МОЛОДЫХ САПОЖНИКАХ

КОММУНИСТ. ВЕРНОСТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

МИР ПОД МИКРОСКОПОМ:
БЕСКОНЕЧНОСТЬ КАМНЯ

НАКАНУНЕ ИГР В САППОРО.
ПРЕДОЛИМПИЙСКАЯ ТАБЕЛЬ О РАНГАХ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абшиш, Г. П. Еписеев, А. П. Кувшова, А. А. Лихова (ответственный секретарь), В. В. Лучиня (заместитель главного редактора), В. Г. Победонцов, П. Р. Рождественский, Е. И. Рабинович, В. С. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков (главный художник), З. М. Значит, человек или коллектив, не соревнуясь, лишаются важнее всего общественного признания, а потом уже какое-то материальное вознаграждение? После экономической реформы материальным стимулом удалось много внимания естественно, великий труд должен оплачиваться. Различные

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будочина

Ночь на Урале

На этой стороне
Таежного Урала,
Где пылат о войне
Возок не умирает,
Мелели берега
У пруда год за годом,
И горная игра
Росла перед заводом.

Распалась вдруг звезда,
Как сварка на металле,
Как будто из гоним
Плещи помытаеми,
Иль стровой сосны
Зеленая вершина,
Сверглась с вышины,
Сама себя крушина.

Но в чистый тот проем,
Что открывает даин,
Идишь, глядеть, втормо,
Как на лесоповале,
Видно, ни к чему
Перед ночным простором
Стоять здесь одному
С неупомятым взором.

Что суждено узреть,
Когда так долго любишь!
Узнаешь, жизнь и смерть,
И тем себя погубишь.
В передарассветный час,
Когда ни зги не видно,
Я вспоминаю нас,
И плавно мне не стыдно.

Вы, какется, тогда не знали,
Как носят шляпки и вуали,
А я и просто мальчик был,
Плоты гоняя и вас любил.

Но эта первая влюбленность
Сильнее, чем к стихам наклонность,
Меня будила по ночам —
Да так, что в голос я кричал.

Во времена неодоенный,
Утрат, лишений и страданий
Я вас — не смеяться! — обожаю
И мысленно призражал.

Мой вкус был очень старомоден.
Но я был в выборе свободен
И знал, гравюры посмотрев:
Вам шашка одежде королев.

Старинных мастеров полотна
В ту пору я листал бесцельно.
И репродукции тусклым свет
Были вамши именем согрет.

От вас я с верными друзьями
Пыл ночью на плотках по Каме,
Смотрел на звезды и тогда
Все думал: вы моя звезда.

Я рад, вы и сейчас прекрасны,
И вам к лицу юность атланский
И даже дерзкий коротышка...
Вы та же. Да я от вас отвык.

— Вы Ленку помните и Гогу!
Не помните... И слава Гогу!
Победный год... Четвертый класс...
Вы только год учили нас.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Да, сегодня можно с полным правом сказать: есть поэт Виктор Тростянский. Именно поэт. Новый, самобытный, привнесший свое слово в поэзию. В поэзию приходит по-разному, по-разному. И, если говорить честно, приходит чаще больше людей, чем требуется самой поэзии. Чаще всего это молодые люди, которым кажется, что писать стихи легче, чем, допустим, выступать на балетной сцене или в оперной партии, создавать художественные полотна или ставить шпектроскопические спектакли... Я вовсе не хочу сказать, что среди молодых нет талантливых поэтов (или прозаиков, художников, актеров, режиссеров, людей других творческих профессий). Есть, конечно, и даже немало. Но... В условиях массовой грамотности и равного нашего общества, увы, многие впадают в заблуждение: умение рифмовать строчки или воспринимать как свои особый поэтический дар, а наличие символической вышности и умение красиво показать себя — как дар артистический, особенно киноартистический. Все в данном случае кажется простым...

Виктор Тростянский пришел в поэзию не сразу, не со школьной или студенческой скамьи.

Солдатом-добровольцем начал он Великую Отечественную войну, а закончил ее командиром батальона морской пехоты. Нам, старым фронтовикам, особенно хорошо известно, что это такое — батальон морской пехоты...

Робина высоко оценила фронтовые заслуги солдата и офицера Виктора Тростянского. Он награжден многими самыми главными орденами и медалями. Но вот сейчас Виктор Тростянский начинает свою жизнь как бы заново: он впервые выступает в новом качестве — поэтическом.

Мне думается, что жизненная зрелость воина, человека, гражданина Тростянского во многом определяет (а может быть, лишь намекает?) и творческую его судьбу, которая только начинается.

Начинается в данном случае в публикации в «Менее», за которой пойдет публикация новых стихов Виктора Тростянского в нашей «Дружке народов», а затем, и затем, насколько мне известно, выйдет первая книга стихов поэта в издательстве «Московский рабочий».

Так «родился» поэт Виктор Тростянский. Есть поэт!
Пусть у него появится свой читатель — внимательный, чуткий и строгий, который так необходим человеку, осуждающему на неслучную стезю литературы.

Сергей БРАЗУДИН

Российская река

То глуше,
То напевнее
Запеви ветра,
Где за деревьев
Древняя
Копытается река!

Столетями темными,
Стремительно-светла,
Несла чумы,
Долбленые
Из цельного ствола...

Волна летела шпала,
Зелено-синий сплав,
Наш теплоход треплупубный
За плетью приняв.

А он — речник потомственный,
Споноуача белку,
Интеллигентный родственник
Музейного члена.

И отразил
Как должное
Зеркальных волн раскат
От Куйбышева
К Волжскому
Крутым плотам каскада.

К раскидистому Каспию,
«Ракетам» горда,
«Ракетам» ласково
Блестящая вода.

Волна разбилась веером
О рабра сил — вразлет!
Волга — в
Ковнеюром
В грядущее плывет.

О сердце!
Раскажи о тех,
Кто не воспел,
О тех,
Кто на земле
Оставил гордый след,
О тех,

Кого не в силах перечест я,
Примолну
Ветеранов прошлых лет,
Тех,
С кем не раз
На смерть ходили вместе.

О сердце!
Ничего о них не утан.
О том,
Как шил на фронт
Товарищ мой
И как упали,
Ике дождя до цели,
Но даже сквозь тяжелые бок
В сегодняшнее заглянуть

сумел.

О сердце!
Раскажи о тех бох.
О сердце!
Раскажи о тех друзьях!

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Виктор ТРОСТЯНСКИЙ

Память

Нес солдату весну с собою
И упал. Сразили грозы...
Над могильно плитою
Встал
Белые березы.

И корнями в землю делов
Деня за дием врастают крепче.
Теплым ветром задает,
Каждый лист о чем-то шепчет.
Забывла гниены осемя,
Зажгорелся первый иней,
Ветер листья с веток сбросил,
Распалат в дорожной гниле.

Вот зная мнотом метели
Полоснула с жуткой силой,
Но берез не одолела,
Что стоял над могилью.

Их выхаживали дети,
Те, что битвы не выдали,
Но за счастье их на свете
Пал солдат от вражеской стали.

Жить березам!
Их обнови
Ветер трогает весною.
О бойце бессмертном снова
Листья шепчутся со мною.

Великий океан

Не успедать восторженным
Глазам
Его размах,
И смех его,
И грусть...
Я около великого
И са...
Чуть больше станюловсь.

В канун победы

Снова брестура пуля коснется,
И под пулей взметнется песок.
Вновь пристрелено низкое солнце,
Даль прострелена низкосок.

Думал звездный, о мире мечтав,
В том окопе, где мы залегли:
«Сюро ласковым солнышком мая
Обогреться шрамы земля».

И пристало с ладонь расвета
Оплетенное майской травой
Заволдано солнце победой
Над пробитой его головой.

Вежа

Над утренней покойно,
Немного впереди,
Цервушка незнакомая,
Как вела на пути.
Тень облака узорная
На куполе,
Как шаль...
Не башня ли дозорная
Глядят отсюда вдаль!

В это утро росное
На этом берегу
Глаза Ивана Грозного
Смотрели на Оку.

...Волжанин, над туманым
На стрелецких приделах,
Тебя ждет битва с ханам,
Сражаться за Казань.

Лет минуло четверста
С тех пыльных вренен,
Давно успела вырости
Сады со всех сторон.

Плотина вон — красавица.
Размах работ маной.
И только та же самая
Цервушка над рекой.

ПАМЯТЬ НЕ ГАСНЕТ

Тамара ИЛАТОВСКАЯ, Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты «Смена»

Это место священно, как священна Память — корни, которые дают нам право жить и связывают нас с человечеством. Четверо наришек в форме солдат живут сейчас памятью — не той, что умирает в неведении их малодетство, но той долгой памятью поколений, что заставила когда-то их дедов взять оружие и уйти в бессмертие.

Пост № 1 у монумента Славы новосибирцам, погибшим в Отечественной войне. Мальчишки прижали к груди боевые автоматы. Они на страже великих традиций Отечества. И нет на свете силы, которая заставила бы их покинуть этот пост.

Зима семидесятого года. Грянули суровые даже для Сибири морозы, ртуть дошла до сорокового деления, закрутила снежная пурга. Горком

комсомола принял решение: временно закрыть пост № 1. К вечеру в горком позвонил начальник поста Николай Саранин:

— Дмитрий, они не уходят.

— Кто не уходит?

— Ну, мальчишки. Всегда послушны, а тут ни за что. Приглашали гуслиный жыр. Намазались и стоят.

— Стоят, говоришь?

— Стоят.

Секретаря горкома поехал к монументу. Мало, как в гущаде. Пылали заглазго снегом. В мальчишек армейских полушубках в стружку застыли часовые. Морозные лица блещат, на автоматах — ледяная корка.

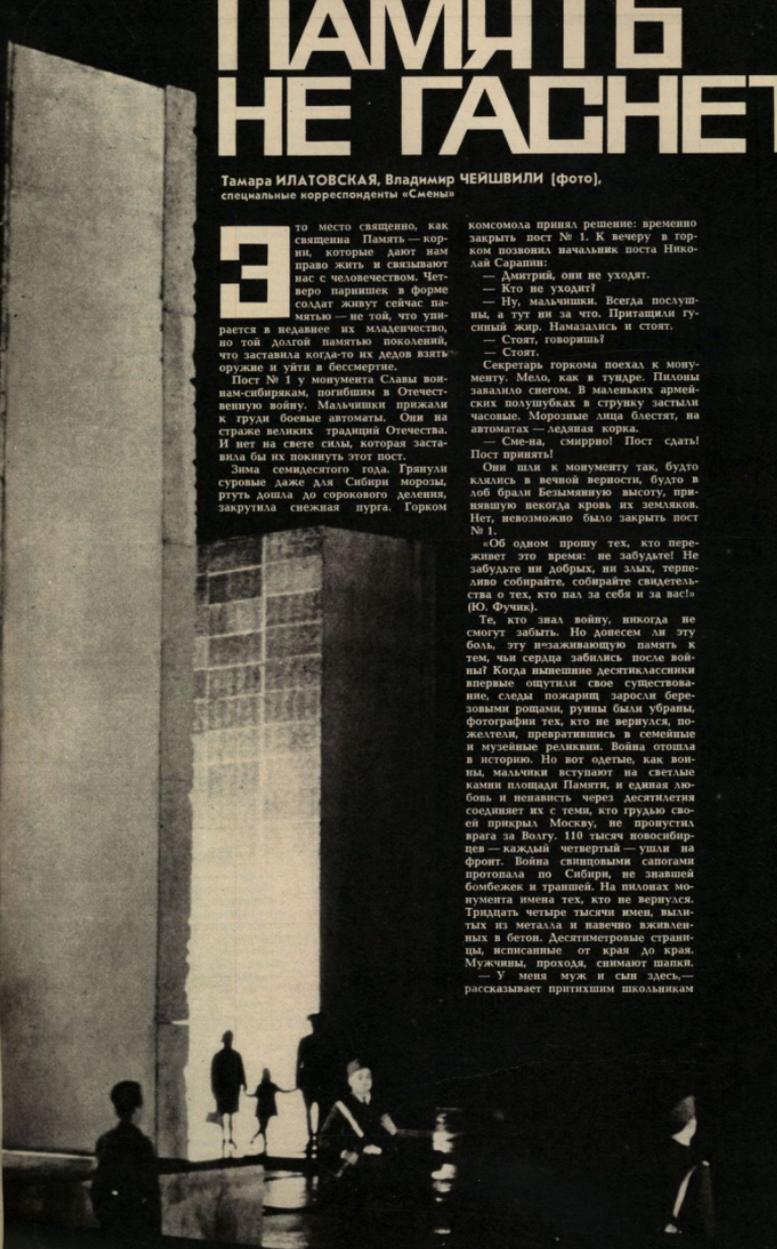
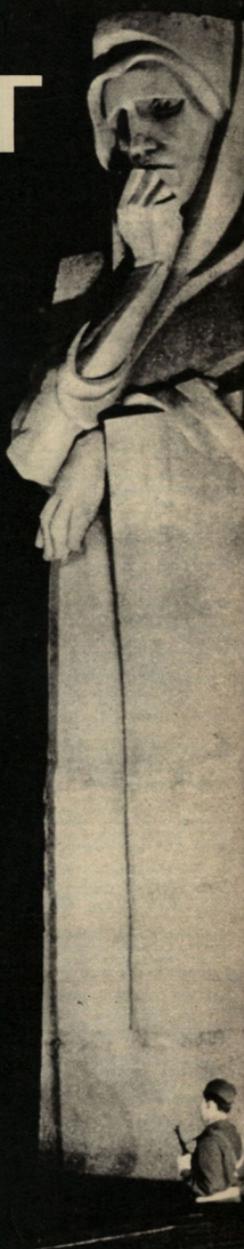
— Смен-я, смирно! Пост сдать!

Пост приняли!

Они шли к монументу так, будто калялся в вечной верности, будто в лоб брали Безымянную высоту, пришившую всегда кровь их земляков. Нет, невозможно было закрыть пост № 1.

«Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Не забудьте вы добрых, ни за что, терпеливо собирайте, собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас!» (Ю. Фучик).

Те, кто звал войну, никогда не смогут забыть. Но додосем ли эту боль, эту незаживающую память к тем, чьи сердца заболели после войны? Когда именитые десятиклассники впервые ощутили свое существование, сады пожрищ заросли березовыми рощами, руины были убраны, фотографии тех, кто не вернулся, желтели, превратившись в семейные и музейные реликвии. Война отошла в историю. Но вот одетые, как воины, мальчишки вступают на светлые камни площади Памяти, и единая любовь и ненависть через десятилетия соединяет их с теми, кто грудью своей прикрыл Москву, не пропуская врага за Волгу. 110 тысяч новосибирцев — каждый четвертый — ушли на фронт. Война свинцовыми сапогами протоптала по Сибири, не знавшей бомбежек и траншей. На площадях монумента имена тех, кто не вернулся. Тридцать четыре тысячи имен, вылитых из металла и навечно вживленных в бетон. Десятиметровые станины, испавившие от края до края. Мужчины, проходя, снимают шапки. — У меня муж и сын здесь, — рассказывает притихшим школьником

ЧАСОВОЙ — НА ПОСТУ! НЕСТИ ЭТУ ТОРЖЕСТВЕННУЮ ВАХТУ ЕМУ ПОРУЧИЛ ВЕСЬ ГОРОД...

РАЗВОДЯЩИЙ ПРИВЕЛ К МОНУМЕНТУ СЛАВЫ НОВУЮ КАРАУЛЬНУЮ СМЕНУ.

сдава жерница.— Мужа убили в фрон-
товом плену. Алепа пошла на совет,
когда узнала о гибели отца. Он летал
на бомбардировщике дальнего дейст-
вия: мне, — вспоминала, знаешь, какой
у меня к немцам страх — я мушкет
—! Алепа стала Героем Советского
Союза. Погиб он в скором времени.
Спасибо вам, что вы нас трогаете...
Буду таким, как мой отец...»

В те дни почетный караул вест-
ника имени Алексея Гарина, несл
во имя сына этой жерницы. Он
продолжал по-прежнему, распола-
женным в школе № 27, хранится ле-
тоспись поста № 1. Давайте поспоем
ее страны.

Валентин Спиридов (9-й класс, 136-я
школа).
«Пятидесятый июни, когда я стою на
посту, к монументу подполза старуш-
ка. Она поклонилась Вечному огню и
прочла стихи — по-моему, свои. Они
хорошие стихи. Наверное, у нее погиб
кто-нибудь из близких, и она пришла
поклониться его памяти...»

На садоводческой площадке муж-
чины передали караульным записку:
«Оные друзья, будующие внуки нашей
Отчизны! Сердечное спасибо вам, что
охраняете память дедов своих. Буде-
те, да достойно поведете себя, что
прикрыла собой vaše счастье. У меня
в Отчезиную погибил два брата:
Павел — с семидесятого года и Ле-
ва — двадцать четвертого. Учен-
штурма Безмяниной высоты, бывший
ион К. Н. Васов».

А вот несколько строчек в альбо-
ме.

«Не забывайте наших сынов. У
меня сын погиб под Ленинградом.
Сваренного брата убили колючками.
Вы же патое поколение борцов...»
(М. Д. Доможолов)

К. Горичев (8-й класс, 63-я школа).
«Я стою у монумента Славы в карау-
ле, когда приехал президент
Франции Жорж Помпиду — получил
письма наших павших воинов. Я по-
чувствовал особую гордость за своих
товарищей, за нашу школу».

«Мы, участники Всесоюзной олим-
пиады школьников, представляем
разных республик, сделали все, что
бы у себя организовать такие же по-
сты (18 апреля 1971 года). Подписи
школьников из Востра, Аштале, Би-
Минска, Кшишевна».

Караульный пост школы № 32, 9
мая 1971 года:

«В этот день вместе с нами в по-
четный караул встал солдатик. Тисяч
людей прошли у монумента. Во-
енный оркестр играл траурные мар-
ши. Был сильный ветер, дождь.
Когда второй марш пришла ват-
ту, пошла проанной дождь. Ребята
были в гимнастерках, но никто не
шедохнулся. Шли после смены, и
были четким строем шагать. Про-
мокая до нитки. Это была хорошая
проверка нашей выносливости...»

У дверей «караулки», очень серье-
зные, стоят нарядчики в десертной
форме. Посторонним вход
воспрещен. «Разрешено пропустить», —
пробежав глазами мое удостоверение,
говорит начальник караула Галик Ка-
ракадов. На эту должность пост № 1 в
дверях 166-й школы Академгородка.
Оказывается, не так-то просто за-
воевать право нести караул у монумента
Славы. Сто лет существует три шко-
лы Новосибирска в честном соревно-
вании оспаривают это право. Преодо-
левается оно лучшим.

Галик Каракадов — артистический,
учится хорошо, собирается поступать на
химфак университета. Дома у него
целая химическая лаборатория.
Спрашивая, связывает ли его что-ли-
бо с военными или войной, он смеется.
У меня отец воевал — на море.
Теперь он научный работник, зани-
мается экономикой. Ира Макарова,
часовой у входа в караулку, тоже
пришла сюда как примерная уче-
ница. — У меня оба дедушки воева-
ли, — рассказывает Ира. — Один, май-
ор, — в артиллерию, а второй, подпол-

ковник, — в мотострелковых частях.
Мне очень нравится здесь, будто на-
стоящий боев. У знамени стоит Люда
— Володаровна, отличница из
9-го «В». Сменившись с поста, Люда
сказала: «У нас вся семья сибирская.
В Академгородок мы переехали из Но-
восибирска, живем там уже тридцать
год. Мне очень нравится. Увлекаюсь
я физикой и математикой и еще геоло-
гией, у нас класс с геологическим
указом. Занимаюсь легкой атлети-
кой. Мне поручил пост № 2 — стоять
у знамени. Это очень почетно, там,
в зале у знамени, будет музей исто-
рии сибирских дивизий. Но все равно,
мы тоже хотим стоять у монумента.
Чем мы хуже мальчишек? Честное
слово, мы даже лучше будем стоять.
Наш директор сказал нам перед
дежурством: ответственность очень
большая, кто мучается, что не выдер-
жит, пусть уходит. Все осталось...»
Один дедушка Люды был в годы войны
председателем колхоза — выра-
щивал два фронта сибирский хлеб.
Второй воювал, продал без остатка.
Брат дедушки вернулся с фронта без
ноги. Оба они сражались в сибирских
дивизиях. Нет семьи, которую бы
минувала война.

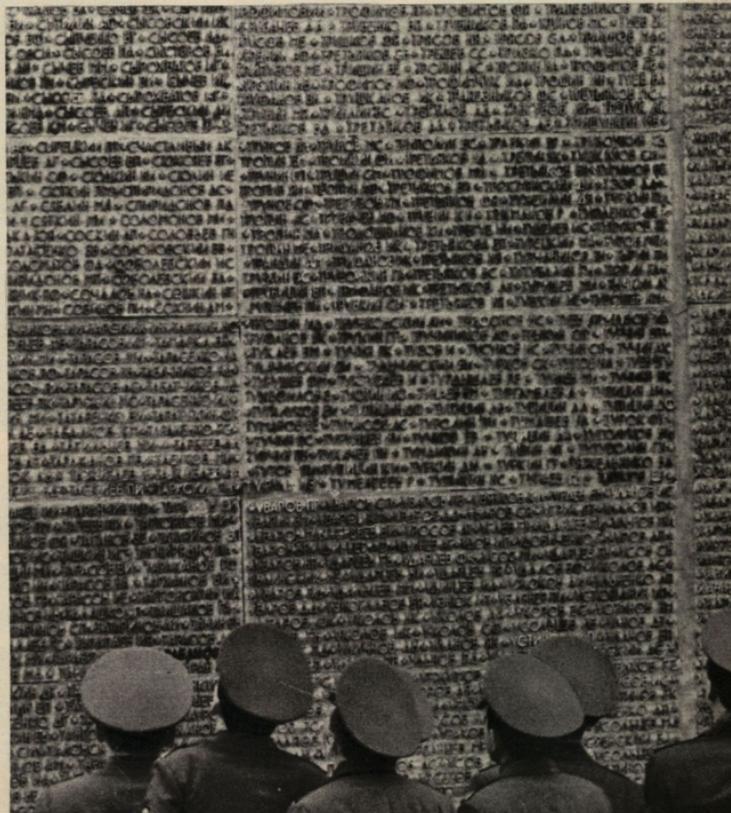
— Пожалуйста, — говорит Люда на
прощание, — пусть и девочкам разре-
шат охранять монумент. Мы не под-
ведем, вот увидите.

В просторной караулке тихо звучит
музыка. Ребята, свободные от ва-
хты, чинно играют на шахматах, ве-
деторо перетариваются. Нет обая-
тельной смешливой суеты, блявства.
Служба обливает. В маленькой коман-
дурке у входа висит плащ-палатки,
португун, бумгалы. У крыльца на
«газончике» — цветы и ваза. «У
всех ботаник надрывы! Подуться
португун!» — строго напоминает раз-
говорщица — Разговорщица в строю!
Смеюна, смирно! Шатов арши! С ле-
сетия утра до шести вечера, через
каждые десять — двадцать минут — в за-
висимости от погоды — к монументу,
четко отбивая шаг, марширует цело-
вая ребят. Четверо караульных. Два
сигнальщика и разводящий. «Смену
сдать! Смену принять!»

— Я увлекается этой работой до по-
грассания, — рассказывала автор моно-
мента Александр Черноборов, лауре-
ат премии Ленинского комсомола...
Когда мы начинали, никто не мог по-
думать, во что это выльется. Но да-
стало монтировать пилоны, люди
отсыпали дымки в заборе, все время
кто-нибудь был на площадке. Прибли-
жался ноябрьский праздник. Зрите-
лей становилось все больше. Кто-то
принес к пилоны венки. В центре —
фотография совсем молодого парень-
ка и надпись: «От внука». Потом
появились цветы, еще и еще. Я понял,

что если не откормлю монумент к
празднику, люди сами разнесут за-
бор. Я работаю с семи утра до полу-
ночи, пятнадцать минут отдалась на
обед. Я чуть не умер, когда моно-
тировали последние пилоны. Замесила
была простой: на четырех пилонах
сафраний раскраса о том, как это
было. Горе прощания, кровь битая —
и победя, счастье, солнце. Я не хотела,
чтобы монумент гугал, омрачала нашу
жизнь. Я хотела, чтобы он просто на-
поминала — как модала. Сафранию и
величаво хранит вечную память. Три-
дцать четыре тысяч фамилий земляч-
ков, что в списках погибших. Я хотела
просто напомнить, но боль оказалась
слишком живой...»

Да, память и боль не гаснут. На се-
ром бетоне пилонов все больше бля-
стящего металла. Близкие погибших
потехонку подмывают бугры, покрыва-
ют, по замыслу художника, серым,
как бетон, наметом. Засветилась одна
фамилия, другая, третья, десятая. Вот
бугры березкой очертали черной
эмалью. Не видят память, как не ви-
дуют цветы, неизменно, как свежую
могилу, окружающие монумент: камы,
галадулусы, астры. И еще, как на ас-
таль, несут и Вечному огню монеты.
Денги падают на доброе дело, Алло-
диаты и сыплют серебро. Пробовали
ставить миллионеры, увещивали в
газетках и по радио, но серебряный

дождя не прекращался — на алтарь памяти, на алтарь бесмертия. Сейчас в банке на беспредельном счету «Монумент Славы» — несколько тысяч рублей.

Иногда у монумента вдруг вспыхивает траурный митинг — и новые металлические буквы врезаются навечно в холодную грань школы. Это еще один безымянный герой, передо с помощью ребят-школьников, обрел имя и право на память.

Но бывают и совсем другие митинги, когда люди не грустят, а смеются.

— Восемнадцатый лет я ушла на фронт, — говорит со ступенек монумента пожилой женщина, и холмоподобный жест далеко разносит его неторопливые слова. — Был в окружении, бежал из концлагеря. Дважды тяжело было ранен, контужен. Два раза домой приходила на меня «похорошка». Мать все не верила, ждала. И вот он я, Левшин Николай Алексеевич. Как в песне поется: «Похорожен был дважды». Под акустическим кренделем оркестра с плавно сменяется фамилия «Левшин».

«Пожалуй, только здесь мы осознали до самого сердца величие подвига нашего народа в Великой Отечественной войне. Скольким людям приходится почтить память павших! Только за ту неделю, когда караулы несла

алта школы, у монумента Славы побывала делегация Англии, Соединенных Штатов, Канады, Германской Демократической Республики, Югославии, Болгарии, «Несоюзники...» (школа, школа № 110).

«Мы стоим и дуем. У моего о тех, кто уже никогда не сможет взглянуть на синее небо, зажмуриться от солнца, которое сегодня такое яркое...» (ученики школы № 130).

По гулкам плитам площади мимо серебряных «кременских» слюнок, мимо грустных плакучих их, печатая шаг, идет мена. На нее с восторженной завистью, во все глаза глядят ребятишки. Часовые замирают на своем почетном посту. Вечный огонь колеблет банки на их серых, торжественных лицах.

— Милые мои, хорошие мои, — шепчет за моим плечом старушка. — Хлоддо-то нынче как! Ну, ничего, вы постойте за нас, постойте...»

Пост № 1 несет свою караульную службу.

НА ПИЛОНАХ ИМЕНА ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ С ФРОНТОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, — ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ФАМИЛИЙ...

«Чувство станка»,

«СМЕНА» № 19, 1971.

Внимательно читаю ваш журнал, хотя сам уже давно вышел из юности. И читая его не просто по привычке, как бывший комсомолец рабочий, а потому, что он дает много пищи для размышлений о истории, о жизни, а не «возрастные проблемы».

С большим интересом прочитал я «Чувство станка»: давно не приходилось встречать такого дельного разговора о работе токаря. Я уже много лет работаю токарем, у меня, как и у Трутнева, высший рабочий разряд, и я частично соглашусь с теми же проблемами, о которых говорится в статье. С теми же вопросами приходится встречаться чуть не ежедневно всем станочникам. Хорошо, что разговор о них ведет опытный рабочий, который знает наши трудности не с чужих слов, а с первых рук.

Хотелось бы видеть больше таких материалов на страницах журнала.

В. ЛИСТОПАД, токарь, г. Черныши

Мне нравится не только то, что автор статьи радуется за увеличение коэффициента сменности станков, но и что идет путь развития этой проблемы. Чувствуется, станок для него — существо почти одушевленное: горюга о станках, он все время думает о людях. Это повышает ценность статьи. Но проблемы, несомненно, интересные и значительные, которыми наполнены письма корреспондента А. Баранова и токаря К. Трутнева.

Новая техника требует более тщательно продуманной организации труда — иначе упрямление машин повлечет за собой и увеличение потерь. Мне особенно интересно высказание и предложение оштумцев про потерю при их неполном использовании. Просто выдумка с числовыми программами в управлении принесет предприятию большой экономический ущерб, чем простой станок обычного революционного, потому что за один и тот же период с него недополучат в несколько раз больше продукции.

Маниповский уже опит эксплуатация станков с программным управлением в том, что касается эффективности при даухсменной работе с полной загрузкой.

О. МАЛУШКО, инженер, г. Москва

Константин Исидорович Трутнев правильно говорит о психологических барьерах, выходящих перед рабочим, привыкшим к самостоятельной творческой работе. Вдунт переорганизации и конеру или станку-автомату. Над этой проблемой думают и психологи. Больши состоит в том, что эта болезнь не только психологическая. Ее не излечить увеличением, что рабочему, мил, станок легче. Он действительно почти всегда приходится затрачивать мускульную энергию, но в то же время, уже почти не приходится прилагать к работе и мысленных усилий. А это и есть самая страшная издержки. Появление в промышленности рабочих, обслуживающих автоматические станки или машины, дополнительных функций конструкций или программистов — трансмиссия является для победы над этой «болезнью». И то, что его предложил токарь, — двойное переоснащение.

Р. ЧУМАК, г. Суэцк

«Золотое кольцо»,

«СМЕНА» № 18, 1971.

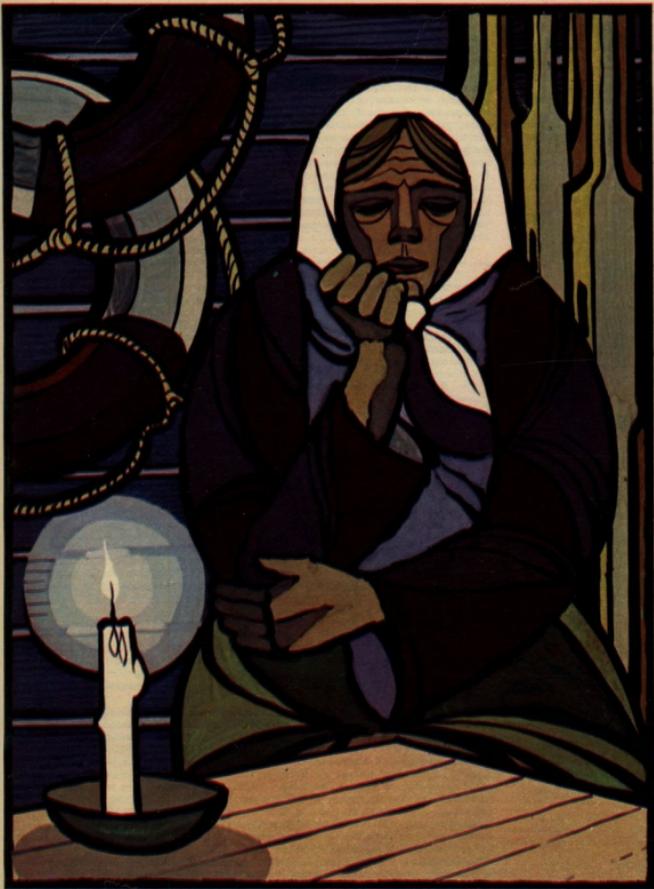
Мне хочется поблагодарить Юрия Бычкова за те «дивные впечатления, поточеские грезы и чудесные замыслы», которыми он поделился с читателями «Смены», как автор очерка «Золотое кольцо».

У каждого из нас обязательно происходит первичное понятие Родины. Для одних это — перво знакомство с Ленинградом — сердцем революции, городом четких архитектурных линий и замечательных памятников истории и искусства. Для других — небольшая деревушка с записочкой и скромным обелиском с красной звездочкой Бычкова это город Владимир, а для меня — Звенигород, затерявшийся среди синих лесов и выпуклых холмов.

Встреча моя со Звенигородом произошла неюнио давно, и мне здорово повезло в том, что оно уже мое увеличение отечественной истории, архивом турой, древней литературой. И для меня, юной москвички, Звенигород стал таким же дорогим и знакомым, как одна из улочек Москвы, где прошло мое детство. Я часто задумывалась, почему именно здесь я впервые ощутила гадание Родины — архитектуру, почувствовала, увидела по настоящему красоту родной земли, ведь были и до этого поездки в разные уголки Родины.

В моем Звенигородской земле слились представления об истории моего Отечества. Это и понятие патристича моих соотечественников, отстаивающих не один раз каждую пядь звенигородской земли, и те красивые заводы, срубенных обелисков в деревьях, и талант русских людей, умеющих только создавать, но и сокращать памятники национальной культуры. Для меня это символ миролюбивого прошлого семь лет, но маюду весну и обязательно прошло свидание со Звенигородом. Раз сильное ощущение значительности простых пушкинских слов: «Ни за что на свете я не хотел бы пережить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков». А история в нашем предке это Ленинград и Худум, Москвичих предков это Ленинград и Худум. Москвичих которого и непременно выйдя с моим друзьями эти эти лесом.

О. ШАРТИНА, г. Москва

ОЛОНЕЦ

При чем тут Олонец! Это был путь в самостоятельность, путь во взрослость, с самого начала мой собственный,— с той минуты, когда я подлучила в Губкомле командировочное удостоверение и прошедшие ордера и пошла на вокзал с легким чемоданчиком, и даже мама не провожала меня, потому что в этот дневной час у нее были занятия в музыкальной школе, а Вита Еглизно подписывал номер, и вообще — какие могут быть провожания, когда человек едет в командировку, в обыкновенную длительную командировку для укрепления работы в незнакомом уезде, где больше никому не укреплял, вот и послал надежного боевого товарища, и надежный-боевой взял чемоданчик и запросто едет...

Так я заблудилась себя насмешкой, а на самом деле сердце щемило — и путь неведомый, сперва поездом, потом на лошах 50 километров, и совсем незнакомый уезд, население — карелы, в деревнях, говорят, ижигие и по-русски не понимают, как я буду укреплять там работу! И вообще — сумею ли я укрепить ее? Это легко записать в протоколе: «Для укрепления работы в Олонецком уезде командировать...»

злбно, а разговорчишка, как на своих, кого связывает общая тайна.

В жаркие дни Агриппина, раздав лодки, поднималась на огромный камень, углом входящий в воду. Смотрела в море. За чем следила она — за ушедшими лодками или за дрожжащими силуэтами кораблей на горизонте?

Она не сердилась, если я забиралась к ней на камень. Но в разговор сама не вступала. Как-то я спросила ее, верит ли она в мудрость стариков.

— Сама я не мудрая. Думаю, не от лет это зависит. Мудрость — это как талант. Про одного мудреца я недавно читала — «Старик и море». Душа у него чуткая: мог и рыб понять и с птицей поговорить. Он море сердцем видел. Только очень это тяжело, когда он со своей рукой, как с живой, разговаривает. «Ладно», — говорит — затекай, если уж так хочешь. Превращаешь в птичью лапу, тебе это все равно не поможет». Я плакала. Страшно. От одиночества это, уж я-то знаю.

Я неуемно пыталась ее отвлечь, сказала, что и лет ей не так много и людей вокруг полно. Но она прервала меня:

— Я не жалею себя, а еще понять хочу... Время, должно быть, перепуталось во мне. Когда я в море, на лодке, и в ветрах не призражаюсь, радость приходит. И нет тогда ни меня, ни земельных лет. Все начинает звенеть в душе тихо так, тихо. Сколько так бывает, — не знаю. А потом как будто сончусь и начинаю грести. И тут время навальывается. Горюлюсь. Дышать тяжело, руки дрожат... Уплывають силы...

Агриппина вздохнула, провела коричневой рукой по лицу.

— А то вдруг покажется: нет у моей жизни ни начала, ни конца. Была всегда и всегда буду...

Она умолкла и усталилась потухшими глазами на шершавые камни. Они лежат здесь вечно, на одном месте, медленно разрушаясь. И чем больше вокруг дымится — ветра, волн, соленых брызг, дождевых струй и капель тумана, тем очевиднее их увядание. Любят возвышению горвет: И камни понимают. А что им от этой памяти! Их память — это удары, от которых начиналась медленная старость.

Агриппина опирается сухой рукой о замшистый выступ и наклоняется к воде. Зеленая, пестрая спинка рыбки вздрагивает и вьется около камня. Агриппина тонько смеется: рыба толкам уходит в сторону, к темному боку камня, на котором мы сидим. Лицо женщины теплеет, взгляд становится мягче.

Я смелела и спросила:

— Почему вы не хотите уехать куда-нибудь в большой город?

Она улыбнулась.

— На всех больших городах не хватит. Кому-то и лодки надо караванить, а то сами в море уйдут. Да что уж, дома я тут. Люди кругом веселье, как на празднике. А я и рада.

Агриппину позвали к сарайчику — прибежали двое за лодкой. Она вынесла весла, отдала их ребятам. Лодка зашуршала по гальке и стала отходить от берега. Агриппина поглядела им вслед, разок махнула рукой и совсем, как забывшая мать, промолчала:

— Далеко не заплывайте. Знаю я вас...

Рисунок Владимира ФЕКЛЕВА

Стоя на площадке вагона, продуваемой холодным мартовским ветром, я смотрела, как отлетают назад окрестные дома. Вет и нагорные улицы — где-то тут живет Палька... Мост через Лососинку — у-у-ух, какая она холодная, скатет среди обледенелых камней, отрывая куски льда от закраина, а на солнечной стороне крутого берега снег уже тонкий, пористый, кое-где — везля пропустает... Если соскочить на Голиковке — вдоль Лососинки, через мостик заведет — и я дома...

Голиковка — разъезд, поезд стоит одну минуту.

— Вот так неожиданность!

Палька Соколов выпрыгивает на ступеньку и снизу, откинувшись, весело глядит на меня. Говорю, вселила скрывая радость:

— Все-таки хоть один губкомцед напелся провонять!

Он висит на нижней ступеньке, откинувшись и поначаваясь.

— Был здесь по соседству. Я не знала, что ты сегодня едешь.

— Значит, случайность.

— Жизнь полна случайностей. Счастливых и несчастных.

Жезд медленно трогается. Палька все еще висит, откинувшись, только рука, ухватившаяся за поручень, напряглась.

одно яйцо или бутылку молока?». Но пахнет в теплую нубу toch на полскаина — уже приятно, и чаю, наверно, добавь, у меня еще пакетики сахара.

Мы все ехали и ехали похаживая одна на другую деревьями и, наконец, выехали еще в одну деревню, где у большой избы стояло несколько саней с лошадьми лошадами. Подъехали и нем и остановились. Проезда из ба — именно тут меняют лошадей. В старину это называлось «на передыхных». Так ездил Пушкин... Мне повезло — мой мужичонка был оловенчик, возвращалась домой, мне не нужно было добиваться новой лошади. Но надо было еще одеться.

— А как ты думаешь? Мне расчета нем даром вонять. И не посмеяла напомнить про тот ордер, что лежал у него за плаушкой. Теперь уж возвращаться из Олонца решительно не на что. Но когда-то еще оно будет, возвращение!

И я было жарко натопило, ну, ну. На столе поставилась самовар. Двое мужчин, растегазу туалуды, лица чаа с шапками. Третий, ступидный и нахальный, в одной рубашке, сидел за другим концом стола и медленно, шевеля губами, писал в потроганной книге, сверяясь с лежащей рядом бумагой, по которой, что это хозяин и уполномоченный Уртамата.

— Терье, — сказала я всем.

— Терье, — ответили мне три голоса.

Затем все трое заговорили по-карельски с моим возницей, не обращая на меня внимания. Мой возница тут растегазу туалуд, поезде поближе к самовару, налил себе чаю, положил перед собой изрядные размеры пива, заввернул в тряпку, развернул, достал хлеб, сало и куски яйца, а в пакете еще что-то оставалось. Ел он неторопливо, с удовольствием, перебрасываясь с двумя мужичками карельскими фразами — скажет и жет, и что-то из собеседника тоже что скажет, продолжит жевать, все попомочат, работая челястими, потом опять один из четверых что-нибудь скажет...

Если бы в избе была хозяйка, я бы решился всгустить с нею в переборку было, только что сказала на другой комнате ветромский женский голос, выгнавший две низкие ноты одну звонкую: а-а-а, а-а-а! — и еле слышные покрывивание: хозяйка укачивала в змбке ребенка.

Я села на лавке у окна и смотрела, как лошади, загнаны морды в мешки, истово жуяют овес или сено, не аяно уж, чем их кормили. Мне хотелось плакать, если б я не отвернулась от мужишек, залпакая в себя.

А мужички все ели и неспешно говорили между собой по-карельски. «Э-ох, командированная! — вдруг по-русски воскликнула мой возница и что-то соблавно похрюкал, и потом, выходя из комнаты, посуду, забываящая вода из самоварного краника. — Садись чаа пить, командированная! — позвал мой возница. — Садись, садись, согейся.

Мне уже было все равно, пусть смеются и лопочут по-оному. Я села к себе и обидливо подумала, ладножана горячую кружку. Чай — это уже что-то, запилит мелодию. К чести.

Выткнул из кармана пакетики сахара, я кинула в кружку кристаллик и протянула соседям по чашечку: — Пожалуйста, угощайтесь.

Из деликатности не подумавшись, все взяли по кристаллику — копчиком ложкой, остерегаясь прольнуть.

Сидели, пили чай. Хозяин дописал, захопнула книгу, порывающаяся меня, влохушу и вдруг устав, повисшая у лавки — и поставил передо мной в тарелку углик карельского хлеба.

— Угощайтесь, — сказала оловенчик только соли нет, извините. С солью теперь...

— Спасибо, но...

— Угощайтесь, — прикрикнул хозяин. — Соям, не покупина.

И сразу будто ветерок ветерок раздул лавку. Мой возница, смущенно улыбаясь, привиднул ко мне крутое яйцо и кусок хлеба. Один из незнакомых, подмигнув, подтолкнул ко мне шапку, другой бережно подал на бумажке несколько крупинок грубой, синеватой соли.

И такто из них не говорил больше по-карельски — теперь их разговор шел еще медленнее, но, не обращая на мне, они все же будто исключили меня в него. И я узнала, что скоро, надо думать, откроется Спирь, недели через две, пожалуй, переяд закуют... что — верный человек рассказывает — обещают отменить трудоговнность, — хорошо бы!

Икартина была совсем другая, когда уехали, а впрочем, а съела только яйцо, я не удержалась от соблазна, после трофейного личного порошка, из которого мы в Мурманске делали неуклюжие плоские личинцы, я могла только поглядывать на горки яиц, пробывая через петровговдский рынок.

«Что ж, барышня, до вечера надо дождаться, собирайся!»

«Барыню» я пропустила мимо ушей. Краснея, поблагодарила хозяйку и протянула ему пакетики сахара. Хозяин небомбрительно покачал головой, отсылая из пакетика в рямку совсем немобро кристалликов, оставив вернуль мне и покавал съездившего пути.

И снова мы ехали ехали, ехали.

Мы все мы ехали ехали, ехали. Сковаз дрему вспоминался Палька на нижней ступени вагона, глядящий на меня такими веселыми, яркими глазами, и как он закричал под перекуток ложа «Да встречни!», и соскочил. Икартина была совсем другая, когда уехали, а впрочем, а съела только яйцо, я не удержалась от соблазна, после трофейного личного порошка, из которого мы в Мурманске делали неуклюжие плоские личинцы, я могла только поглядывать на горки яиц, пробывая через петровговдский рынок.

И очутился оттого, что мой возница, придержав лошадь, с кем-то оживленно говорит по-карельски. Открылась лавка — мы в большой деревне, а еще не совсем до конца выехали.

— Где мы? — спросила я, когда мы снова тронулись в путь.

— Да уж Олонец.

— Приехали!

— Да нет. Еще выспитесь.

И снова мы ехали, ехали похаживая деревьями, мимо домов с крытыми дворами, мимо банек, ехали речками... И все это Олонец, хотя еще можно выслаться?

— Терье!

— Терье!

Палька Соколов тоже карел, и Палька Трифонов карел. Но Илька родился и вырос в Петровговде, а Илька Гдето адрес, недалеко от Олонца, и когда он приезжает сюда, он, наверно, не ходит, похлываяя стеком и никого не замечая, а уважительно кланяется встречным: «Терье!» И ему отвечает: «Терье!»

Ну куда выршился, дура, куда? — закричала мой возница, натягивая поводья, и продолжал по-карельски, видимо, ругаясь, а различив в его крике «ситапа, перкеле» — ругательства, мне уже известные.

Вранли он свою лошадь, между ними с обода шло единообразие: он придержав ее бет, поворит ехать шагом, а лошадь почуяла близость дома и, что он ослабит возжи, чешет носом.

— Подъезжаем?

— Да нет, спи покуда.

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

И все-таки мы доехали до Олонца заветного, в Уездном комсомоле еще сидят ребята, только, как выяснилось, лично меня не ждут, что со мной делать? — не знали, куда поселить — тоже. Я не стала им показывать командировку, где было написано «для укрепления работы». Неужели Макаров не понимал, подписывая, что ставит меня в глупое положение и обижает оловенческих ребят?

Красота родной земли

САМАЯ

«...Хотелось бы в этой связи особо сказать о Москве. Всем советским людям она дорога как столица нашей Родины, крупнейший центр промышленности, культуры и науки, как символ нашей великой социалистической державы».

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза

Помните строки из «Евгения Онегина»!

«Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москву колющую приоткрытой
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва мой
К нему с повинной головою».

Пушкин нескрывается: порой сотни раз читая фраза вдруг поразили открытостью глубиной. Меня, например, потрясли два слова в привычном сочетании: «Москва моя». Ведь и для Ленина была — моя! И для Толстого. И для Ломоносова. И для Герцена. И для Чехова. Миллионы людей называли Москву своею.

Я живу в Москве, на Малой Филевской улице. И с полным правом, подтвержденным сороковым отделением милиции, говорю: Москва моя! Прописка роднит с гениями — они ведь тоже были москвичи (кто родился здесь, кто жил, кто умер).

Но не только семь миллионов, проживающие ныне в Москве, называют ее своею. А жители Подмосковья, каждое утро приезжающие сюда на работу!.. Они разве не москвичи! А сибиряк, теперь прощадчик, а в сорок первом сержант, тяжело раненный под Наро-Фоминском! А артиллеристы с Урала, насмерть стоявшие на Можайском направлении! Ведь это благодаря им живет сегодня город, на месте которого Гитлер совсем было спланировал озеро...

И тот, кто учился в Москве, не зря называет ее своею — до конца дней будет бродить в нем московская завакса.

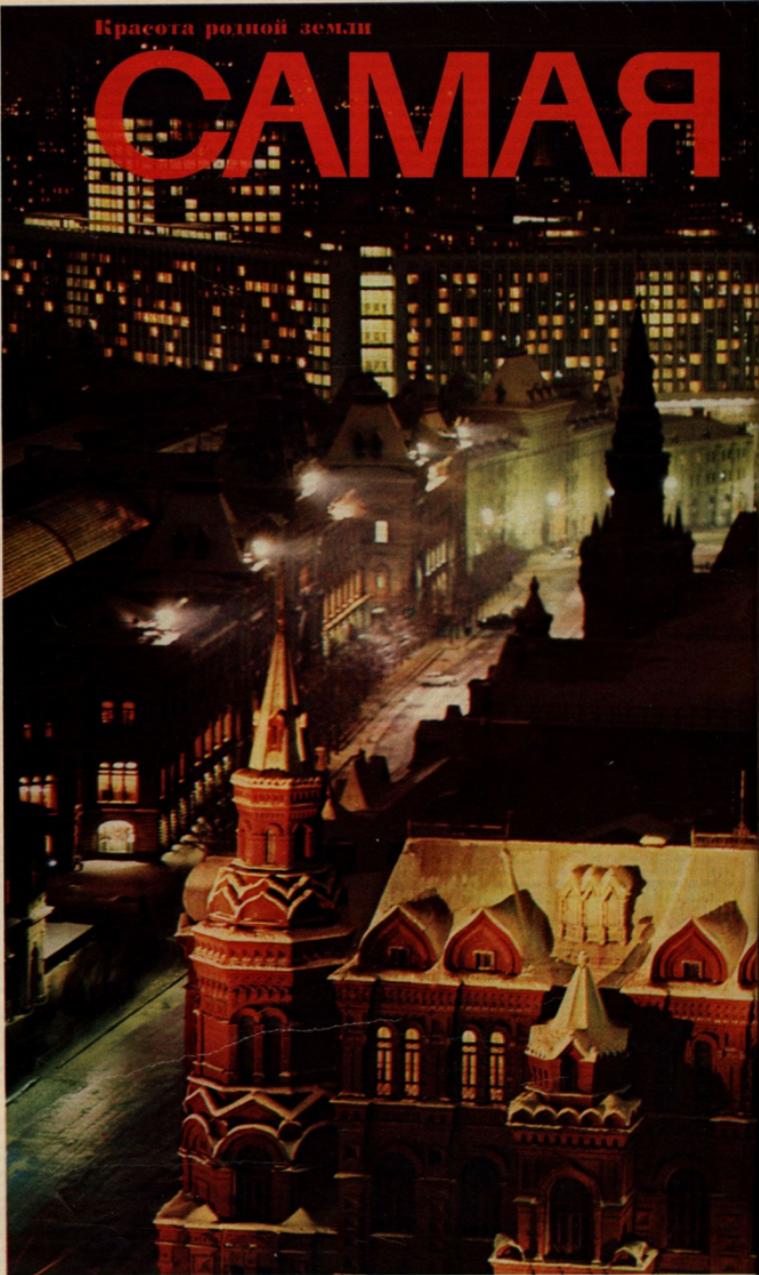
И кого вывелили московские врачи — тоже москвич: здесь второй раз родился.

И тот, кто связан с Москвой делом, любовью, дружбой.

А в чужой стране, безязыкий, попробуй объясниться с прохожим на улице — он заулыбается и, ткнув тебя пальцем в живот, радостно выпалит известное ему русское слово: — Москва!

И ты так же радостно занимаешь в ответ: Москва, конечно же, Москва!

За границей все мы москвичи. Так что я могу хвалить мою Москву, не боясь обидеть киевлянина,

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ, Николай РАХМАНОВ [фото]

ЛЮБИМАЯ

тысячница или олимпиада. Для всех чужих, для других городов и стран — Москва — своя. Она наша обща гордость и обща радость.

Сколько лет Москве, точно неизвестно. Считается, восемь веков с небольшим. Но это не для нас день рождения — просто тогда впервые появились ее летописец. А может, раньше поминаним, да затерялись те летописки!

Без всяких торжеств, без исторических фраз врозь городок где-то в России. Это мы теперь говорим: в самом центре. Но центром? Москва стала потом. А тогда было поселение одно из многих, оплошай летописец — и считали бы мы Москву на десятки лет моложе.

Почему именно она была столицей? Мог бы стать Новгород, и Суздаль, и Смоленск, и тем более Тверь или Ярославль — все-таки на Волге стоит, на главной улице, на дороге, до Москвы, а дорога, дорога из радостей: она сумела принять вывоз товаров, сумела показать, на что способен обычный среднеуровневый городок.

Без нас и с людьми бывает. Из тысячи молодых летчиков выбирают одного, такого же, как другие, ничем особым не выделяющегося, дают задание и вдруг оказывается, что это Гагарин, человек, будто с рождения предназначенный и небывалой славе. Гагарин, из чьих плечих бремя огромной, почти невыносимой известности оказалось стольким как рабочий комбинезон. Гагарин, чья летная речь и веселый характер покорял сразу, чья улыбка была уместна и неповторима, как и его полет. Гагарин, чья мая могла бы стать символом технического прогресса, а стало фактом прогресса дугуемого...

Между прочим, тоже москвич: рожден в Гжатске, служил в Советском, но академиком кончал в Москве. Да и накануне полета гулял по Москве, по Красной площади...

Не всегда столицей страны становится крупнейший город. В последние десятилетия в некоторых странах установилось даже нечто вроде моды — переносить столицу в небольшой, сравнительно тихий город, не обремененный ни промышленными, ни торговыми, ни транспортными заботами — ничем, кроме власти.

Наверное, в подобных столицах есть нечто разумное, приемлемое, полезное. Но иногда кажется: в ну накая-нибудь озорной волшебник нарочит такую столицу строить — стража, покаяний, и не заметит.

Письмо мне куда-то больше нравится, что Москва, город-герой, не только правитель, но и первый рабочий страны.

Загляните в любой статистический ежегодник — на любой стол государства самый большой кусок кладут именно москвичи. Когда порой говорят, что Москву корячат ее страна, это конечно, верно, в организмах общества все взаимосвязано. Но с большим основанием можно сказать, что Москва корячит страну: в столице и области живут пять процентов населения Советского Союза, а в производстве значительно больше. Это, естественно, не к тому, чтобы считать успехом. Просто хотелось отметить, что наша Москва — рабагата чья страна.

Столицу часто называют сердцем Родины. Образ этот был бы слишком красив, не будь он так тучен богатствами московскими. Животным. День и ночь пульсируют столичные вокзалы и аэропорты. Огромная масса поездов, самолетов, теплоходов, автобусов и разного типа грузовиков идет через Москву. Каждый

день сотни тысячи приезжают. И у любого дела, у любого жанра, у любого завода, кто в министерство, кто в театр, кто в ГУМ, кто на стадион, кто в музей, кто в гости — Москва город гостеприимный.

Многие гости приезжают сюда на четыре, на пять, на шесть лет. Одним московским студентам вполне можно было населить иные государства. Учат их здесь московской дипломатией котурется высоко!

Словом, у сегодняшней Москвы не только формально, но только исторически, но и моральное право называться столицей.

Самый центр Москвы — Кремль, зубчатая стена.

Среднее редко кому приходит в голову, что эта стена — верней, другая, но стоявшая на ее месте, — была не центром, а краем города, а если он помещался внутри, на холме. Сосем был наваленым, не кончался, а конец здесь мнугу прогнучным шгом.

Та старая стена, наверно, и определенно теперешнюю планировку столицы, очень красочно и, уж во всяком случае, оригинально — где есть такая ешь! Город ширится, как дерево, кольцами. Выростали за огородом свободой — и строили коровз зашнутое кольцо. Соображения простоты большой роли не играли: просто соседю у Москвы были воинственные, гордые незачищенные оны лобини, но не уважали. Так до сих пор и ракет Москва: от центральной, зубчатой стены разбегаются лучами проспекты и улицы, словно для прочности передвигаясь. Так что в плане Москва похвало малость на велосипедное колесо.

По кольцам видно, как город рос. Вот бульварное кольцо — зеленая тропинка вокруг центра. Вот Садовое — сейчас служило автомагистраль, портная магистраль, которую, однако, в будущем архитекторы надеются привести в большее соответствие с пирамидским названием. Дальше валы: Пресненский, Гruzинский, Бутырский, Судесный. Оборонятся не от кого, земляные валы скрыты, осталось только название, прерывистым колючим бугорке по городу.

Следующее кольцо субто мирное: Московская окружная железная дорога. Еще недавно, лет пятнадцать назад, считалась она как бы официальной границей города. И улицы, уходящие за нее, носили пригородные названия: Подмосковная, Новоподмосковная... Теперь же от центра до Окружной, пожалуй, ближе, чем от Окружной до окраины.

Кстати, от центра до Окружной город рос восьмью лет. От Окружной до окраины — около двадцати.

Сегодня последнее Московское кольцо — кольцевая автомобильная дорога. Лежит она красиво: внутри — высокие белые кварталы, снаружи — зелень и зелень, густые подмосковные леса.

Преимне кольца Москва вала, как веселый силча в цирковом представлении грудуя рвет цепь на входе. Ожидается ли прочным этот новый обрчч!

Впрочем, он и сегодня достаточно уютен — зеленые пространства на десятки километров вокруг давно уже обиты москвичами и, значит, стали частью столицы. И в ревуля, озерами, радостью города — Истрин, Клязьма, Пятра, Пирогово — это ведь тоже моя Москва.

В огромной Москве у каждого есть своя, личная Москва. Есть такая и у меня.

Москва — это прежде всего «Шарик». Название странное, но скучно понятное. Где живешь! На «Шарике!» И все ясно. «Шарик» — это один из крутиных московских заводов. Первый государственный подшивочный завод, как называются он официально. И «Шарик» — это целый район, своеобразный рабочий поселок внутри города. Был когда-то на самом окраине, да оброс новыми кварталами, так что до новоселов Вышня или Чертовова он нынче почти центр.

Здесь мои родине улицы — Вторая Мещинская, где я жил, Гервава Машиностроения, где я в приятелем гулял вечерами. Случайно заучил! Теперь, пожалуй, да. Ничем и Первой подшивочной — всего лишь цифра, все равно, что пятый или десятый. И название заводской многоотрасли — «За советской подшивки» — кажется странным; и так ведь ясно, что наш завод выпускает подшивочные советские, а не немецкие и не шведские...

Но названию-то давали не теперь. Названию давали в начале тридцатых годов, когда альминистративно было главной задачей дня, когда подшивочникам мы позволюсь как раз немцам да шведским, и от того, сумели ли создать собственный, советский подшивочник, зависела участь страны в неминуемой будущей войне. А «Первый» тогда звучал, как «единственный».

Моя отец участвовал в строительстве завода, много лет работал на нем, и слово «подшивочник» у нас дома долгие годы было в числе самых обыденных.

Моя Москва — это район подмосковных переулков, четырех или пяти, где я жил в конце войны в двухэтажном полубаре, где гонял в футбол на разбитой мостовой, из редких корявых бульвариков, где за домами начинались лишние огорода — картошка и картошка, которая сейчас стоит гниющей кучей, а тогда была спелым, нежной мягкой благополучием, даже валотой. Зарплата, вещь, даже вода — все в ту пору пересчитывалось на картошку...

Район этот, нынче почти ничтожно перестроенный, был не шибко краше. Но была у него своя великая гордость, была и осталась. Из блокады и нал десяти первой школы в сороч первом уша на фронт Зои. Девочек с таким именем в России много, а все равно фамилию мне называть не обязательно. Раз против Зои — значит, Космодемьянская. И до сих пор мне странно, что в школе по одним с ней бульвариком, и осенью ял подожавшим листу с тех же деревьев, и так же вставал за сороч первом уша на фронт Зои. Девочек с таким именем в России много, а все равно фамилию мне называть не обязательно. Раз против Зои — значит, Космодемьянская. И до сих пор мне странно, что в школе по одним с ней бульвариком, и осенью ял подожавшим листу с тех же деревьев, и так же вставал за сороч первом уша на фронт Зои. Девочек с таким именем в России много, а все равно фамилию мне называть не обязательно. Раз против Зои — значит, Космодемьянская. И до сих пор мне странно, что в школе по одним с ней бульвариком, и осенью ял подожавшим листу с тех же деревьев, и так же вставал за сороч первом уша на фронт Зои.

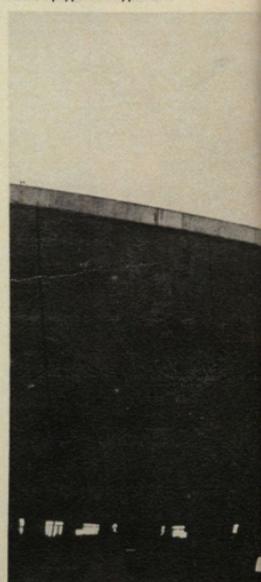
Моя Москва — это дом 1/3 по Историческому проезду, где я тоже жил... в личной коммуналке на десять семей. Дом, уют которого всегда виден на телевизоре в праздники, когда показывают демонстрацию и парад. Дом, населенный легендарными почти так же густо, как и людьми. Дом, где, говорят, был прикомандирован Голунов и в подвалах пытали людей. Дом, где, говорят, одно время находился монетный двор. Дом, где, говорят, жил когда-то Есенин и где еще десяти лет назад прожигала женщина, которую, говорят, встретил однажды до дворе, он помещал в лоб. Дом, в котором останавливался Рабичев, а это уже совершенно точно, ибо так утверждает мемориальная доска.

Депер нашей коммуналки нет, дом перестроен, в нем, подобные помещения Музея Живописи, переселились в новые жилые кварталы. Легенды остались...

Моя Москва — это Фини, где я живу сейчас, и широченный район Рабчат, где живет мой друг, и старый

ПЛАМЯЩЕЕ ЗДАНИЕ ПЛОЩАДИ СВЕРДЛОВА.

В СТОЛИЦЕ ЧЕТЫРЕ АЭРОПОРТА, И КАЖДЫЙ НЕ ТОЛЬКО ТЕХНИЧЕСКОЕ, НО И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ.

Арбат, который я люблю по той простой причине, что крытые его переулки здорово лечат от тоски. И еще местность, с веселыми названиями: Вешняки, белая от домов и зеленая от зелени, где я бываю просто потому, что хочется. И Внуковский аэропорт, который для меня все равно, что станция метро...

А теперь немного статистики. Известно, что завтра всем нам, советским людям, предстоит, как сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищем Л. И. Брежневым: «Сделать Москву образцовым коммунистическим городом...» О Москве завтрашнего дня говорят цифры нового Генерального плана реконструкции столицы, принятого на период по 1985—1990 года с прогнозом до рубежа 2000 года. В городе будет жить 8 миллионов человек — почти на миллион больше, чем сейчас. В Москве намечается создать примерно 65 производственных зон, что позволит сосредоточить выработку продукции на крупных специализированных предприятиях, расположенных в едином комплексе. До 110—145 миллионов квадратных метров общей полезной площади вырастет жилой фонд города. В каждой квартире будет телефон. Больше чем в три с половиной раза увеличится территория, занята спортивными сооружениями. Второе больше детей станет заниматься в музыкальных школах... Все это реальные черты города коммунистической культуры.

Больше всего Москва поражает москвичам.

Семь миллионов — это очень много, но не для нашей огромной страны; три человека на сотню, только и всего. Но попробуйте найти в стране мало-мальски серьезное дело, и кому-то не приложили бы руку москвичи!

С молодости москвичей начиналась когда-то целена: первым шешеном ехали в степь ребята с ЗИЛа. Москвичи строили Братск и строят Усть-Имил, и московский писатель Анатолий Приставкин стал летописцем обиха этих строек. Москвичи учат детей в Якутии, изучают ледники на Памире, водят теледику по Енисею, снимают фильмы в Арктике.

Московские врачи лечат людей в Центральной Африке, московские инженеры пускают прокатные станы в Индии. Московские летчики водят самолеты в Америку и Испанию и, конечно, гибнут, когда вдруг терпит катастрофу над Атлантикой наш самолет, спешащий на помощь пострадавшему от землетрясения Перу. Я люблю читать московскую толпу — книгу, где на каждой странице неожиданность.

Вот прошла компания парней и девушек в защитных брюках и курточках. Кто, откуда! Сейчас узнаем. На спине, от плеча до плеча, — «МВТУ», а рядом — «Карелия», «Тайшет», «Мирный». Все ясно; и где учатся, и где работал на студенческий строительный отряд...

Вот тормозил автобус «Аэрофлота», высочинил на тротуар две девушки в форменках. Откуда на этот раз, стюардессы! Из Бани! Из Магадана! Вот идет африканец, курчавый, с шоколадным лицом. Но дорогу не спрашивает, в перуулах не путается, и носком на нем фабрику «Большевичка» — тоже москвич, студент, наверное... А вот перебегает улицу незнакомый человек с удивительно знакомым лицом. Да это же Юрий Никулин! Вчера видел его на экране, сегодня — на улице.

Вообще Москва редкостью богата узнаваемыми людьми. Обязует на

В СЕГОДНЯШНИХ НОВОСТРОЙКАХ УГАДЫВАЕТСЯ ОБЛИК ЗАВТРАШНЕЙ СТОЛИЦЫ.

каким-нибудь представительной соборини: «Антонов», или «Петровский», или «Смонов», или «Ботаники», или «Леонов», или «Папанин», или «Рихтер», или «Яншин» — и сразу аплодисменты. Должности не надо — звание и фамилия...

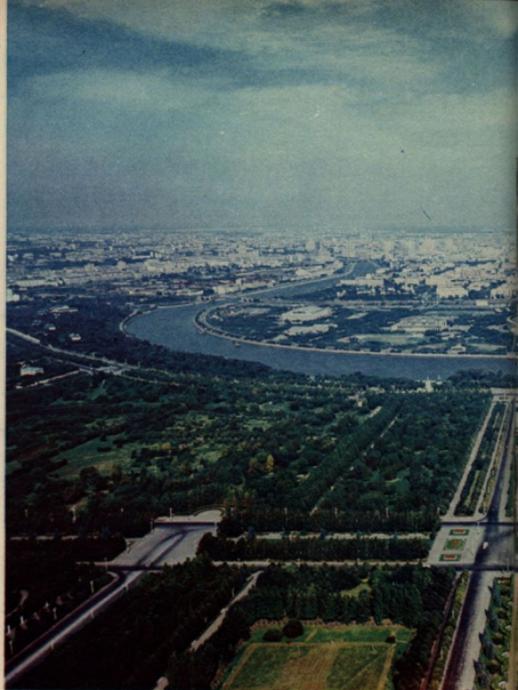
Москва велика, но никто в ней не затеряется. Всегда заметит талант — хоть в науке, хоть в футболе. Даже американский пианист Ван Клиберна был неизвестен на родине, пока не получил признание в Москве.

О москвичах говорят много всякой напраслины: и грубы, мол, и расудочны, и светлыми. «Москва деньги любит», «Москва слезам не верит... Фальшивым — да, не верит. Но если

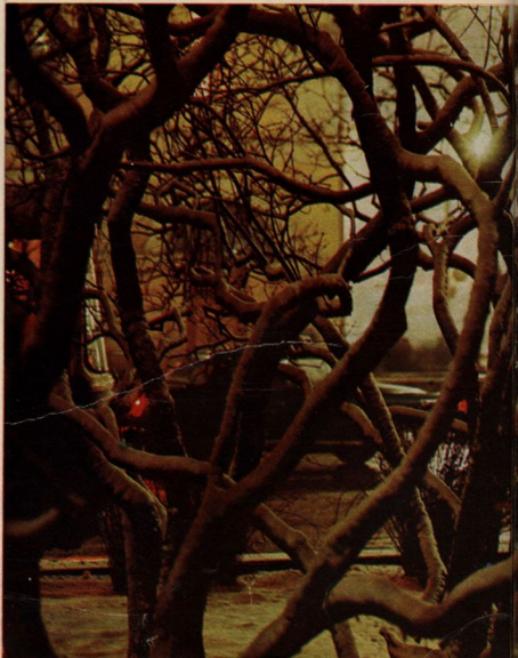
где-то на Земле льются настоящие слезы, москвичи всегда помогают перьями. И не за деньги, нет...

Хороша Москва, но любви мы ее не за «хорошесть». Военную — затемненную, замершую и замершую — тоже любили, да еще как! В подвалах жили, в бараках — любили. За черным хлебом становились с ночи — любили. И что ни случись, будем любить.

Ибо и для городов действительна мудрая старая пословица: не по хорошу любь, а по любви хорош. А Москва любя, ох, как любя!

СТОЛИЦА С ЛЕНИНСКИХ ГОР.

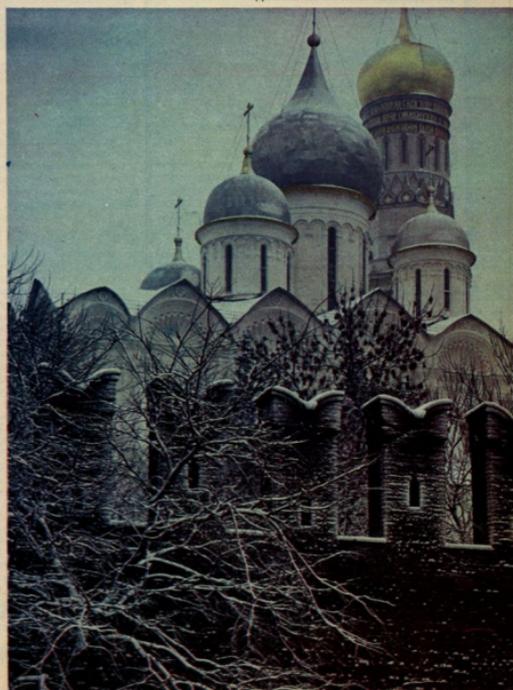
СКВЕР В ЗИМНЕМ НАРЯДЕ.

МОСКОВСКИЕ КРЫШИ. КУПОЛ НОВОГО ЦИРКА.

ДРЕВНЯЯ КРЕМЛЕВСКАЯ СТЕНА.

пухолок была большая.

Потом, когда все обошлось и уже зашнуровали операционную рану, Филипп Фадеевич не рас- сложился на инструментальный столик: опузолю держала там же марлевой салфеточке, на ней кокетливо торчали хвостики кетгуповой нити, перетягивающей операцию.

Операционное поле было узким — полость носа да гайморова пазуха, и опузолю заполняла их полностью и расправляла стенки. А пациент-то — мальчишка, к тому же, ох, не крупный для своих десяти лет; за два года это оперировали уже дважды, но опузолю вырастала снова и, как всегда случается с такими постоянно хроничными детскими, он скверно ел и рос, конечно, хуже сверстников.

Впрочем, Филиппу Фадеевичу Маломуку по должности — с тех пор, как после войны он стал работать в детском отделении Института уха, горла и носа при детской клинической больнице имени Дзержинского на Красной Пресне, — приходилось иметь дело как раз с такими пациентами.

Его он помнил: мальчик уже лежал у него из-за рецидива опузолю, которую удаляли в другой больнице. Второй раз Маломуку оперировал его сам, и вот, ложась спать, он вспоминал.

Филипп Фадеевич тогда подумал, что на операцию — третий раз на том же месте — он может нарваться на сильное кровотечение, и, пожалуй, все-таки стоит прежде, чем заняться самой опузолю, перебраться на противоположной стороне наружную сонную артерию. Так рекомендовалось во многих статьях, и, хотя это помогло мало — он знал по своему опыту, — все-таки здесь надо попытаться: ситуация наверняка будет скверной.

Так он и сделал. И все же, когда пришлось отделить опузолю от стенки пазухи, рану разом завили. Тампон, которым он прижимал невидимые теперь сосиски, быстро соскочил, и тогда у них уже не было. Он выбрасывал их вон, жестко вшивал пинцетом нити, заранее пропитанные кровоостанавливающим средством. Скопаловал, чтобы начать переживать мальчишку кровью. Собственные движения казались ему теперь суетливыми, все было плохо, и он повторял про себя: «Нарвался... нарвался...» Но потом в ране стало сухие, и движения Филиппа Фадеевича сделались чуть менее жесткими и чуть более медленными. Он вындил на миг голову, посмотрел, как каплет в стеклянный тубочек донорская кровь, и успел за этот миг подумать, что вот, кажется, на предосторожности, даже могло кончиться плохо, совсем плохо, но все-таки вроде бы пока обошлось.

Осторожно раздвигая ткани, он провел скальпом лезвием крошечный узкий лоскут кетгуповой нити. В ране снова стало тепло, но он уже подвинул и подтянул к себе пинцетом нить, разрезал — получилось две нити. Ими Маломуку стянул основание опузолю и ткани стенки, которые должны были опять загерметизировать, как только он примется отделить опузолю. В ране стало совсем сухо, когда он заткнул эти две нити. Никаких хитростей во всем этом не было — обычный прием хирургической техники. Все — хирургия — и последствие, незаметная, и та большая, от которой в последние годы в газетах и научно-популярных книжках, — состоит из обычных приемов. Все дело в том, как их исполнить...

Конец таких операций Маломуку и его коллеги в больнице имени Дзержинского сделали за восемь лет, а за свои знания он удалил около тысячи опузолю.

Врачечко Маломуку семидесять пять лет. Врачебный диплом он получил горюк семь лет назад. Он из той интеллигентки, которую страна стала для себя растить в двадцатых годах. В Москве, в университете, его отмащивали только в Красной Армии как только закончавших гражданскую войну.

Приехав в 1921 году в столицу, он узнал, что университетов в Москве уже два — как раз в те годы открывали 2-й МГУ, факультеты Второго поднеего превратились в самостоятельные инсти-

тутты: имфаэк стал 2-м Московским медицинским институтом имени Пирогова.) Явной разницы между университетами не было, и теперь Филипп Фадеевич с улыбкой вспоминает, как ломал себе голову, в какой из них поступать. Выбрал 2-й МГУ, по тогдашней своей провинциальной робости решил, что этот новый университет «попосрнее».

Он поселился на Якиминке в холодном общежитии, где тепло держалось, лишь пона горела в буржуйках паркет с полов. Под треск паркетин зурбиль анатомию, гистологию и прочие науки, а на хлеб подрабатывал тем, что служил в Бабьегородском переулке дворником (другой работы в то время не подыскалось), хотя имел фельдшерский диплом и немалый стаж. Фельдшером нехотого полка три года служил на фронте — в Белоруссии и в Польше. Участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве, а после прорыва — в последовавшем отступлении с Карпат. После Октября тем же военным фельдшером сначала в Красной гвардии, а потом в Красной Армии прошел гражданскую войну.

Как ни приходилось трудно, университетский курс он окончил одним из лучших. А так как социальное происхождение у него было крестьянско-бедняцкое — это в то время считалось особенно важным — и весь прошлый путь был боевой и трудовой, то Маломуку сразу предложили пойти в науку. Его направили в аспирантуру на кафедру кожных и венерических болезней, но тогдашнему обычаю не спросив, нравятся ли ему эти специальности. А она ему совсем не нравилась.

Если бы Филипп Фадеевич себя перебрал и предлагавшуюся ему специальность освоил, жизнь его устроилась бы много разнее и, быть может, удобнее. Ныне из его сокурсников считали полученное им назначение просто завидным. Один — потому, что это было назначение в науку. Другие — потому, что, закончив аспирантуру, он не только мог получить место на кафедре, но и начать совсем неплохую частную практику. Но Филиппу Фадеевичу эта специальность не нравилась. Так как-то получилось, что к двадцати восьми годам он вообще не обло-

бовал еще для себя отрасли медицины, но какой хотел бы специализироваться. Потомышник на кафедре кожных болезней что-то около двух месяцев, бросил аспирантуру, наплевав и на научную перспективу и на возможность ходкой частной практики. Уехал поближе к родным местам, в Грозный. Сделался там участковым врачом на старых нефтяных промыслах. Работал он хорошо, и вскоре его назначили заведующим больницей. В 1927-м, в год десятилетия революции, вступил в партию. Спецназисты-коммунисты были тогда наперечет. С партийным билетом специалист обретал множество обязанностей. Тогда существовала и «партаксимум» — предел зарплат, которую мог получать коммунист независимо от должности и количества совместителей. Но он привилегий и не искал. Есть в хороших людях такая потребность — отдать себя другим. Она и привела Маломуку в партию.

...Когда оказалось, что дела в больнице коммунист Маломуку наладил отлично, его назначили еще и заведующим лечебным подотделом Грозненского горювета. А когда стало ясно, что он справляется с делами города, выдвинули заведующим лечебно-подотделом всей тогдашней Чечено-Ингушской автономной области. Вероятно, ему предстояло бы и дальнейшее продвижение по административной линии, если бы Филипп Фадеевич не увлекся отоларингологией и она не стала бы его страстью.

Кстати трудно объяснить, каким путем приходит медицина к выбору узкой специальности и что именно заставляет его избрать делом жизни лечение глазных, или нервных, или кожных болезней. Иногда привлекает в ней кажущаяся возможность быстро охватить все сокровища отрасли. А иногда увлечает проблема, в которой хочется покопаться как следует. Порой «приманивает» человек, виртуозно владеющий этой специальностью.

В свое время на медицинском факультете двадцатисемилетний тогда Филипп Маломуку сподобился пройти пролабаршии всесоюзную студенту курсу болезней уха, горла и носа, хорошо сдать зачет и экзамен и при сем остался к этой дис-

ОЛИМПИЙСКАЯ

Борис МАЙОРОВ,
заслуженный мастер спорта

П олжизни я, кажется, только тем и занимался, что старался порвать с хоккеем. Да и попал я в хоккейную команду случайно. Мы — брат мой Евгений и я — с детства были заядлыми футболистами, а зимой играли в хоккей с мячом. И, как все сокольнические ребята, мечтали когда-нибудь выйти на поле стадиона «Динамо» (Лужники тогда еще не было) в красных футболках с белой полосой на груди. Мы даже сделали к этому первый шаг — записались в юношескую команду «Спартак».

Прошли четыре зимы и четыре лета, и наступила пятая зима. В юношеской команде играть мы больше не могли — стали взрослыми, в взрослой команде по хоккею с мячом в «Спартаке» не было. Что делать? Мы уже было пошли записываться в ЦСКА. Но наш футбольный тренер Владимир Александрович Степанов не захотел расставаться со своими учениками (наверное, считал нас подающими надежды) и сказал: «Оставьте, братцы, у нас, а чтоб зима зря не пропала, погоняйте шайбу, благо в «Спартаке» команда по хоккею с шайбой есть». И направил нас к тренеру хоккеистов Анатолию Владимировичу Сегуну.

Тот поглядел, что мы умеем, дал нам по клюшке, шайбу и сказал: «Каждый день после школы выходите во двор и учитесь бросать шайбу».

Мы-то прежде думали, что это просто, мы и не представляли себе, какая неудобная это штука — черная каучуковая шайба, соглашавшаяся в лучшем случае скользить по льду, но ни за что не желавшая подниматься в воздух. Однако, как говорится, не боги горшки обжигают — научились и мы этому хитрому искусству. К большому не стремились: «Зачем! Придет лето, а с ним и долгожданная футбол...»

Фото Анатолия БОЧНИНА,
Мирослава МУРАЗОВА,
Владимира ЧЕИШВИЛИ

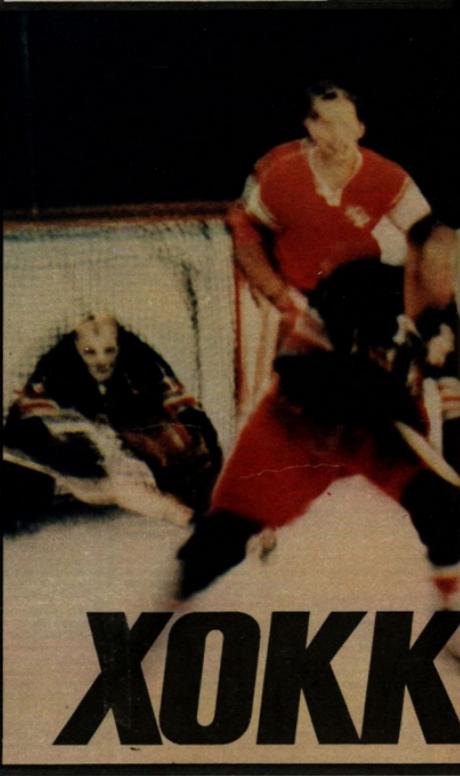
Лето пришло, лето закончилось, и вновь начался хоккей. Теперь уже в команде мастеров «Спартак». Мы все еще считали это занятие несерьезным. А однажды прямо сказали новому тренеру «Спартак», что уходим. Мы поставили ему условие: «Уберете от нас этого новичка — останемся, не уберете — уйдем». Конечно, будь это в футболе, мы бы никогда никому никаких условий не ставили. А здесь, подумаешь, тоже мне игра! Еще когда хорошие партнеры — ладно, а когда нам, двум таким «таблеточным» ребята, подсовывают какого-то медлительного парня, который и на коньках-то еле стоит, тут уж — извините...

Нас опять уговаривали и опять уговорили. А звали того неловкого, медлительного новичка Слава Старшинов...

Летом 1961 года, когда мы уже играли в сбор-

ДИРИЖЕРЫ ХОККЕЯ: АРКАДИЙ ЧЕРНЫШЕВ, АНАТОЛИЙ ТАРАСОВ, ВСЕВОЛОД БОБРОВ, НИКОЛАЙ ПУЧКОВ, ЮРИЙ БАУДИН, НИКОЛАЙ ЭПШТЕЙН, БОРИС КУЛАГИН, БОРИС МАЙОРОВ, АНАТОЛИЙ КОСТРЮКОВ.

ной и получили бронзовые медали на чемпионате мира, а наша тройка считалась самой перспективной, я снова решил бросить хоккей («Теперь уж окончательно»). Меня приняли в футбольную команду «Спартак». Сбылась мечта моего детства. Я вышел на поле стадиона «Динамо» в красной футболке с белой полосой на груди и седьмым номером на спине. Трибуны были полны спартаковскими болельщиками, у меня было прекрасное настроение, игра, как принято выражаться в спорте, «пошла», мне сначала поплоделивали, а затем стали дружно скандировать: «бо-ря, шай-бу!» и, просто — «Шай-бу! Шай-бу!» Мог ли я тогда предположить, что стану одним из соавторов — правда, невольным — ныне всемирно известного клича наших болельщиков?

На этом мое участие в достижениях советского

вообщие, и спартаковского в частности, футбола закончилось. Меня еще раз уговорили поиграть в хоккей.

В 30 лет пора бы уже перестать быть наивным и понять, что хоккей — это не на время, это навсегда. Но я был наивен и совершил еще одну попытку «порвать с прошлым». Я поступил в аспирантуру МАТИ, выбрал тему диссертации и с увлечением принялся собирать для нее материал на одном московском заводе. Мой благой порыв поддержала жена. Адрес завода мы держали в глубокой тайне от всех, прежде всего от людей, так или иначе связанных с хоккеем.

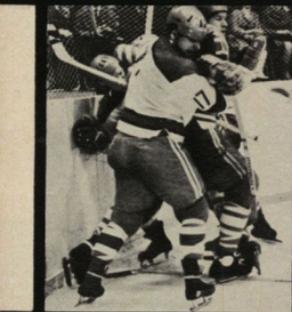
Меня звали, Николай Иванович Карпов, тренировавший «Спартак» в 1968 году, сказал мне: «Я не зову тебя в команду. Но тренироваться-то в свободное время ты можешь? И уж в самом

крайнем случае попросим тебя играть разок-другой, только если совсем трудно придется». Он-то не был наивным, тренер «Спартака», а я... Я даже не знаю, где теперь пылается заготовка к моей кандидатской диссертации. Я закончил играть, но остался тренером в «Спартаке». Год тренерской работы принес мне больше разочарований и бессонных ночей, чем все остальные 32 года жизни. Но я уже стал взрослым, научился трезво смотреть на вещи и понял, что никогда мне не расстаться с этой игрой, что с ней я связан навечно.

Теперь я работаю тренером во Всесоюзном спорткомитете и занимаюсь с юношеской сборной страны. Я могу быть довольным своей судьбой и своей работой. И я доволен. Вот если бы только во время матчей тренера и команду не

ЕЙ НАВСЕГДА

НАВЕРНОЕ, ИМЕННО ТАК СЛЕДУЕТ ИЛЛЮСТРИРОВАТЬ ИЗВЕСТНОЕ ХОККЕЙНОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ: «ВРАТАРЬ — ПОЛОВИНА КОМАНДЫ».

А В ЭТО ВРЕМЯ ТЕЛЕКОММЕНТАТОР ПРОИЗНОСИТ ПРИВЫЧНУЮ ФРАЗУ: «ШАНБА ПРИЖАТА К БОРТУ. ВБРАСЫВАНИЕ».

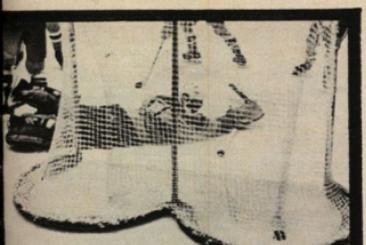
ТЕПЕРЬ И В ХОККЕЕ К НАИБОЛЕЕ ИСКУСНЫМ ФОРВАРДАМ ВОДЕ АЛЕКСАНДРА МАЛЫЦЕВА ПРИСТАВЛЯЮТ «ПЕРСОНАЛЬНЫХ СТОРОЖЕЙ».

ПОЧТИ СТО ЛЕТ НАЗАД ОДИН КАНАДСКИЙ РЫБАК ПРИКРЕПИЛ К ХОККЕЙНЫМ ВОРОТАМ СВОИ СЕТИ. КАК ВИДИТЕ, ЕСТЬ ВСЕ ОСНОВАНИЯ НАЗВАТЬ ЭТОТ СНИМОК «БОЛЬШОЙ УЛОВ».

Electrolux

ТАК ЗАБЫВАЮТ ГОЛЫ. А ТАК ИМ РАДУЮТСЯ.

ПЕРЕРВЬ. ПОКА ЗРИТЕЛИ ШТУРМУЮТ БУФЕТЫ, ХОККЕИСТЫ ЭЩЕ РАД, ТЕПЕРЬ УЖЕ МЫСЛЕННО, ПОВТОРЯЮТ ВСЕ СИТУАЦИИ ИГРЫ.

разделял бортики... Если бы тренер тоже выходил на площадку на коньках и с клюшкой... Если бы он забивал голы и подставлял свое тело летящей шайбе, победно вздыхал краснкой и мысленно няла судей, отправлялся на скамью штрафников...

Я прихожу во Дворец спорта, саусус на свое место и... Оглядываюсь. А вокруг на площадке принарядившихся мужчин и женщин, весело болтающих, жующих мороженое, обмахивающихся программками. На контролерах в униформах — они, как в театре, помогают опоздавшим расстаться поскорее. На ледовую арену, где перед началом игры разминаются хоккеисты в ярких светерах, под которыми упрятаны легкие синтетические доспехи.

Я смотрю на все это и вспоминаю... Омск, 1962 год. Вечер, 32 градуса ниже нуля. Над худощавым амфитеатром куда-то вверх, в ночную мглу, деревянными трубами стоит облако холодного пара. Видны лишь нижние ряды, которые не разглядывают: они упрятаны в воротники. И вообще зрители похожи на ночных сторожей — в валенках, в длиннополох шабках, в нахлобученных на глаза меховых шаках. Мелкий-мелкий, сверкающий в лучах прожекторов сияющей постелью покрывает лед. Его слой становится все плотнее. Мы разминаемся. Ни теплое белье, ни шерстяные шапочки не спасают от страшной стужи. Но то дело кто-нибудь подолживает и греет нам перчатки и просит растереть поблеваше пальцы. А на скамейке запасных навалены грудой одеяла — укрывать от мороза отключающих. Тренеры успокаивают нас: «Ничего, сегодня играли, четыре периода по 15 минут. Значит, три перерыва, отогреемся».

Мои воспоминания прерывает свисток на игру. Время мчится стрелой. Хоккеисты защищаются, атакуют, забрасывают и пропускают шайбы, ликут и впадают в оцепенение. Публика забыла о мороженом, бутербродах и программках. Стадион взрывается свистом, овациями, замолкает — и все одновременно. Заканчивается первый период.

Перерыв. А я думаю вот о чем: так ли уж изменилась за годы своего существования у нас в стране эта игра? Вроде изменилась неузнаваемо. Но в целом-то она осталась прежней. И останется таковой навсегда. Как только судейский свисток возвестит о начале игры, все мы — игроки, зрители, тренеры — забываем обо всем на свете, кроме самой игры. Вот и тогда в Омске так же страдал и ликувал стадион. И так же мучился и радовался мы. И так же стрелой ачалось время. И не было холода, и не было черной ночи. Как меркут сейчас комфорт и подвешенные к потолку украшения радостно удивительными и неповторимым зрелищем большого хоккея.

Понятно, хоккейное зрелище — удел трибуны. Игрок видит хоккей иначе. И ощущения его иные. Как их передать непослабленному?

«Мы прыгаем с своим воротом. Слева их обтекают неуловимый Костя Локтев, справа ищет свободное место стремительный Вениамин Александров, рвется на «свою» точку Саша Альметов, бросает в намерев погоню скрытого смысла, цель — запугать, оставить в дураках, оплести сеть перед нас, защитников, вратаря, чтобы завершить этот каскад финтов, пасов, ложных впадо неожиданным и неотразимым броском в незащищенный угол ворот. А мы мечаемся от одного к другому — только бы коснуться шайбы, только бы достать ее концом клюшки. Но она будто приваженна невидимыми, не кратчайшими, но самыми короткими и изящными путями. Наконец, бросок с «кальметовской» точки. В последний миг Старшинов разгадывает ход противников и кидается грудой под шайбу. Ее перехватывает наш защитник. И мы уже летим на всех парусах вперед, рассыпаясь, словно кавалеристы, по всему фронту атаки. Я не сплотно на лед и партнеров, я знаю (опытка вот ведь!), что сейчас шайба ляжет на мою клюшку. И она ложится. И я, не сбавляя темпа, не оглядываясь, не размышляя, должен решить, как поступить с ней дальше. И угадать, что намерены предпринять Женька и Слава. И отпустить шайбу туда, где окажется один из нас через мгновение. И не обидеться ни на сантиметр, иначе нам опять придется идти в защиту и спасать свое ворота от страшной опасности...»

Потом мы отправляемся отдыхать. И каждый из нас, как шахматист, отложивший партию, будет вспоминать все до единого хода — и наши и их — и анализ. И мучительно переживать ослеплости. И снова и снова мысленно повторять комбинации, которые привели к успеху. И торопить время, чтобы поскорее вновь окунуться в борьбу, которая притягивает к себе, как притягивает мореплавателя океан, полный опасностей, подводных рифов и прекраснейших приключений.

Действительно, надо быть очень наивным, чтобы думать, будто можно, однажды отдавая всю эту игру, самому, добровольно, отказаться от возможности снова и снова выходить на поле, и бороться, и врать и победе.

Хоккей изобрели канадцы сто лет назад. У нас в стране он и вовсе молод — ему всего четверть века. Оказавшись в былые времена в руках «белых хоккей» Без хоккея, своим рыцарским духом и благородными эстетикой борьбы воскрешаясь в памяти романы Вальтера Скотта и его героев — Роберта Ричарда Давлингтона, «белый хоккей» — этой богатырской утехе, которая пришла бы по сердцу Микуле Селяниновичу, Илье Муромцу и легионистам Кавалешкину.

Было бы даже странно, если бы хоккей не существовал в начале девятнадцатого столетия — наполненные смелюющими друг друга вполглазения, дни, когда острые ощущения стали как бы нормой жизни.

И вот что важно: игра эта, не в пример всем другим, изменяется так же быстро, как сама наша жизнь, хотя ее душа, ее суть и остается неизменной. Я прожил в хоккее 14 лет. Но я застал и Гурьевых и Мальцева. Наговариваю же о том, что эти годы — игра, первая во дворец спорта, что она изменила свой наряд, она стала прекрасным искусственным льдом, что телевидение увеличило ее зрительскую аудиторию в тысячи раз. Но во времена Борзова и Шарыпова путь хоккея к воротам был длинен и извилист, хоккеисты могли подолгу ее водить и передавать друг другу без больших помех. Еще в мои дни мы имели возможность заверять противников, а сейчас готовы готовить решающий удар. Нынче, в эпоху Мальцева и Харламова, поле будто стало теплее — нападению непрерывно ощущает на себе горячее дыхание соперника, чувствует его присутствие, знает, что тот в любую секунду готов сбить его на лед. И нынешние мастера обязаны уметь все игровые задачи решать быстрее, чем раньше их мы. Быстрее пасовать, обводить, бросать. Тенереший хоккей не оставляет игроку времени на размышления. И атки теперь завершаются после двух-трех передач, а шайба никогда не задерживается на одной половине поля. А финальное вынесение уже подолжит пять секунд — это и называется «острые» моменты возникли то у одних, то у других ворот... — применимо в буквальном смысле только к хоккею.

Хоккей — один из самых молодых видов спорта на свете. Но по возрасту он обогнал футбол, хоккей и развивался. Попробую доказать это на близком всем нам примере.

Починалу у нас в стране хоккей назывался «канадским». Это определение отнюдь не оправдало, оно было бы само собой. Да и называть его так теперь было бы просто неверно. Впервые полая на чемпионат мира (это было в 1954 году), советская команда заняла первое место. Это не было случайно — на Олимпиаде 1956 года она повторила свой успех. Что же принесло нашему хоккею столь ярокий триумф? Теперь это знают все. Тогда, в 1954 году, на мировую арену вышла не просто еще одна сильная команда. Мир поздравил с одной хоккейной школой, которая в отличие от единственной в ту пору канадской школы базировалась на коллективной игре, на маневренном, быстром и командном, на красивых многоходовых комбинациях.

Сегодня нам на свете хоккейной державы, которая не испытала бы на себе влияния нашей советской школы, не постаралась бы повторить наш успех. Это относится и к самим канадцам.

Но география мирового хоккея пока относительно узка. Даже у нас миллионы жителей хоккейных республик и городов видели хоккей только по телевидению. Даже у нас грузинские, армянские, узбекские, таджикские, молдавские ребята ни разу не надевали коньки. Вы же говорите о том, что миллионы людей в Японии, Австралии, Южной Америке, Азии почти не знают хоккея сегодня с этой игрой.

Но и у нас и в других странах хоккей завоевывает себе все новое «жилищное пространство». У нас это орбиты и в Уганде, в Югославии, и Ташкенте, и больше казахские города. А рано или поздно придет время, когда искусственный лед сделает хоккей таким же доступным для всех, как сегодня доступен футбол. И тогда наверняка хоккейный мир познакомится с новыми школами, яркими и самобытными. И обогатится новыми приемами, новыми идеями, новыми тактическими построениями. Вы знаете: «фланг-апер». Нет, никакой я не фантазер. У нас в хоккее играют 25 лет. И у нас есть сегодня полмиллиона организованных хоккеистов и три миллиона мальчишек — членов клубов «Золотая шайба».

Разве это не доказательство!

Павел БАГРЯК

Фантастический детектив

ОТ АВТОРА

Предположим, человек наступил вам на ногу, а затем извинился. Хорошо ли, что он извинился? Нет спора.

Но лучше, чтобы он не наступал вам на ногу. Я не знаю, кто из нас более уверенно считающихся людей, но мозгу с уверенностью сказать, что число наступающих на ноги от этого не становится меньше.

Когда в добросовестно описал то, произошло на острове Ньюкомб, комиссар Гард прочитал рукопись и молча положил ее на край стола. Пытался скрыть свое возмущение, и непременно спросил:

— Ну, Дэвид, как?

— Страшно, — ответил комиссар.

— Но это же правда!

— Никто не говорит, что ваммысл, — спокойно заметил Гард. — Только кому нужна правда?

И все же я предлагал вам эту повесть. Простите меня, дорогой читатель, за то, что я наступаю вам на ногу!

Глава 1. «МОЯ ПРЕКРАСНАЯ УТ...»

21 мая, в десять тридцать утра, в Третьем полицейском участке был записан на магнитофонную ленту допрос туринтанта Бригитт Ворурус, пятнадцатилетней шестилетней, католички, незамужней. Допрос вел инспектор Джин Моргинс.

ДЖИН МОРГИНС. Не волнуется. И все по порядку.

БРИГИТТ ВОРУРУС. Бедная девочка! Вы найдете преступников? Скажите, инспектор, вы отщипаете мою прекрасную Ут?

ДЖИН МОРГИНС. Это зависит от вас, мадам-уэв. Итак?

БРИГИТТ ВОРУРУС. В десять утра мы, как обычно, вышли с Ут на прогулку. Знаете, в нашем парке есть милая аллея, там гуляет племянник хозяйки Набель с сестрой Бэкомой, которая недавно съезжала погерьеру, а этот племянник Набель показал на меня, хотя я...

ДЖИН МОРГИНС. Не отвлекайтесь, пожалуйста.

БРИГИТТ ВОРУРУС. Извините. Мы опоздали немного, потому что Ут задержалась с завтраком, и не видела, как она лакала молоко.

ДЖИН МОРГИНС. Кто «она»?

БРИГИТТ ВОРУРУС. Бэкомой! Я обещала показать Ут, как Бэкомой пьет молоко с примесью, которые Ут всегда отвергает...

ДЖИН МОРГИНС. Не понимаю. Какие примеси?

БРИГИТТ ВОРУРУС. Ложка рыбьего жира, пять граммов витамина В-прим, семнадцать унций...

ДЖИН МОРГИНС. О боже! При чем тут рыбий жир?

БРИГИТТ ВОРУРУС. Вы же сами просили перечислять!

ДЖИН МОРГИНС. Говорите только о деле.

БРИГИТТ ВОРУРУС. Она намочила штанишки.

ДЖИН МОРГИНС. Вышла сука ходит в штанишках?

СЛАНД

БРИГИТТ ВОРУРУС. Ах, господин инспектор, какой вы непонятливый! Штанишки намочила Ут, с ней это часто бывает. И я побежала в детскую, чтобы привести смену белья. Девочка осталась у большой каубы... Когда я вернулась, Ут спряталась. Нет, она у меня не балованный ребенок, но любит пошутить. Знаете, спрячется, а я делаю вид, что вижу ее и не вижу, и она смеется.

ДЖИН МОРГИНС. Не волнуется. Что было дальше?

БРИГИТТ ВОРУРУС. Я не знала, инспектор, что так случится. Боже мой! Плачет. Я так ее берегла! Два года она ни разу не болела, беленькая такая, пухленькая...

ДЖИН МОРГИНС. Итак, она спряталась...

БРИГИТТ ВОРУРУС. И тут он оказался наallee.

ДЖИН МОРГИНС. Кто?

БРИГИТТ ВОРУРУС. Мужчина. В светлой шапке.

Он быстро прошел, словно бежал куда-то... А моя бедная Ут...

ДЖИН МОРГИНС. Успокойтесь. Выпейте воды.

Что было дальше?

БРИГИТТ ВОРУРУС. Не помню... Ничего не помню! Я хотела высморкаться и вдруг... упала... Когда очнулась, никого вокруг не было. Я закричала, тут все сбегалось, а племянник Набель с Бэкомой...

ДЖИН МОРГИНС. Благодарю вас. Все. Вы свободны.

Акт медицинской экспертизы, подписанный доктором Керхоттом, постоянным экспертом Третьего полицейского участка, гласит:

«Платок светло-серого цвета, найденный на земле в окрестностях дачной газоны, принятии громадным суперинструментом, вызывающим кратковременный паралич дыхательных путей и затем обморочное состояние. Срок действия препарата — пятнадцать минут. Шоковое состояние у обלאеваемой Бригитт Ворбус наступило мгновенно...»

В час два дежурный Третьего полицейского участка, услышав звонок, поднял телефонную трубку. — Говорит Вильям Дობбс. Комиссар сенатор — я хочу обсеаать господина сенатор — скала дежурный, невольно приподнимаю с трубки — Комиссар Вутс перед отъездом приказа немедленно вас информировать, если будут новости, но пока ничего слышно.

— Так, так, — прервал дежурного сенатор Дობбс, обнаружива металлеские нотки в голосе. — Когда вернется Вутс, передайте ему, что я желаю комиссару приятного аппетита.

Инспектор полиции Дажин Морнис со своими помощниками и тремя лучшими в управлении собаками-ищейками еше раз внимательно обсеадовал парк сенатора Дობбса.

След преследования собакам взять не удалось, так как они постоянно сбивались на следы, оставленные по всему парку сухой Елаовой. Зато в металлесической отряде были обнаружены две полицейские ищейки, образующие цепь, через которую можно было легко проникнуть в парк сенатора Дობбса и стоаь же беспрестанно из него удаляться.

Морнис немедленно допроса присауту, Выяснилось, что решетки подвала дворник Колаумбс три года назад, когда был влюблен в Мэри Гордон, служанку сенатора Фрифта-младшого, жившего с Дობбсом по соседству.

Мэри на дпросе разрыдалась и поклялась, что дворник Колаумбс бросил ее еще полгода назад и теперь lieber кассиршу Лоэси из кабере «Одно приятное мгновенье».

Но о причинах ничего не удалось добиться, он твердил, что во всем виновата Мэри, что с Лоэси у него «просто так», а что решетки он может починить хоть сегодня.

Дневная газета «Мир пять минут назад» опубликовала на первой полосе фотографию Ут Дობбс. «Каждый, кто увидит девочку, должен немедленно позвонить в полицию, в редакцию или непосредственно Вильяму Дობбсу».

В пять часов два комиссара полиции Вутс дад интервью журналистам.

— Я уверен, — сказал Вутс, — что действие хорошо организованная шайка рэкриторов. Это не первое похищение ребенка в нашей стране, но, к сожалению, полиция пока бессильна. Однако, я полагаю, в ближайшие дни мы закончим расследование и пойдем на крайний мере протом свет на истину.

Сенатор Вильям Дობбс просмотр прес-конференцию по телевидению на своей шайке. Не дожидаясь конца передачи, он чертикнулся, являл смежить и вызвал помощника.

— Добира с женой сенатора, еще ни разу не вышедшей из спальни, постоянно дежурим профессора медицины.

Инспектор Дажин Морнис арестовала Бригитт Ворбус, дворника Колаумбса, Мэри Гордон и кассиршу из кабере Лоэси. Получив разрешение комиссару Вутсу, он явился в особняк сенатора. Добира с женой, отдала им ключи, лампочника Набава. Узнав об этом, сенатор возмущался, позвонив Вутсу, и Набаво была предоставлена полная свобода. Тогда Дажин Морнис арестовала на имя неталансую слеажку.

Студия «Экз» начала съемки полнометражного фильма о похищении Ут Дობбс. В роли главного рэкритора, сообщая выпущенные через час минут рекламные афиши, сиял знаменитый кинорежиссер, любимый публикой Юан-Рожеер.

Сенатор Вильям Дობбс был по его просьбе принят Президентом. Собственно говоря, от Президента бы не убавилось, если бы он сам приказал Добира с женой, отдала им ключи, лампочника Набава. Узнав об этом, сенатор возмущался, позвонив Вутсу, и Набаво была предоставлена полная свобода. Тогда Дажин Морнис арестовала на имя неталансую слеажку.

В 19 часов 10 минут Служба безопасности государства засела телефонный разговор Президента с министром внутренних дел Вильямом Добира.

ПРЕЗИДЕНТ. Дорогой министр, та великая миссия, которая возложена на мои бременные плечи

народам и правительством, не позволяет мне отступить от всего этого долга.

ВИЛЬЯМ. Мир так несовершенен, господин Президент!

ПРЕЗИДЕНТ. И не всегда справедлива! Меня только что похищала несчастный отец.

ВИЛЬЯМ. Сенатор Дობбс, господин Президент!

ПРЕЗИДЕНТ. Увы, все силы свои он отаает служению государству и народу, но какие-то люди, лишённые благоговая души, совершают еще один страшный грех.

ВИЛЬЯМ. Кароющая рука правосудия наступит ик!

ПРЕЗИДЕНТ. Я верю в это! И всю ночь буду молиться за маленькую Ут Добира!

ВИЛЬЯМ. С вашего позволения, господин Президент, я сам возглавляю розыск преступников, они немедленно будут найдены...!

ПРЕЗИДЕНТ. И наказаны!

Один экземпляр беседы, как обычно, был тут же открыто передан Тайному Совету для общего под контролем действия и разговоры всех государственных людей, в том числе самого Президента.

Другой экземпляр, как обычно, был отправлен в ведомство генерала Дорона, держащего под контролем деятельность Тайного Совета.

Секретарь Вильяма Дობбса в течение получаса навла все частные детективов города сроком на две недели. За попык преступников были оштрафованы, называющ горदार в размере 100 тысяч кларков.

На 23.30 генерал Дорон созвал экстренное заседание Тайного Совета.

— Приглашаю по инструкции юль-один или юль-два! — спросил Дитрих.

— Юль-один, — коротко ответил Дорон, и секретарь понял, что прозвонил чрезвычайное собрание.

Шар вызывала только ближайших помощников.

Табачная фирма «Литтинкоте» выпустила первую партию сигарет «Антихитлер» Ут с фотографией Дорона на пачке.

— В этот тяжелый для страны час, — заявил корреспондент телевидения владеец фирмы Фердинанд Тубик, — мы тоже не можем оставаться равнодушными. Мы намерены продать сигареты фирме «Литтинкоте» по той цене, пока девочка не будет найдена. Курящий наш сигареты легко сможет опознать несчастного ребенка, взглянув на пачку, и шансы получить вознаграждение в 100 тысяч кларков у него будут больше, нежели у тех, кто курит сигареты фирмы «Макес и К».

Министр внутренних дел Воннема издал секретный приказ, копия которого немедленно направил Тайному Совету:

«Вашему, доверенной мне Президентом, приказываю:

1. Всех сотрудников уголовной, политической, интернациональной и особой полиции привлечь к розыску преступников, похитивших Ут Дობбс.

2. Укрепить Временный комитет в составе Пуна, Дзича, Сургия, а также моих четырех заместителей по розыску Ут Дობбс и преступников, ее похитивших.

3. Председателем Временного комитета назначаю себя.

4. Приказ вступает в силу немедленно.

Тайный Совет путем опроса своих постоянных членов молчаливо санкционировала приказ министра Воннема, хотя и приняла против него некоторые меры предосторожности, поскольку министр приобетрала чуть боаьшую силу и власть, нежели до издания приказа.

На всякий случай за Воннемом было организованно тайное наблюдение.

После трехчасового перекрестного допроса в камере городской тюрьмы в 23 часа 18 минут дворник Колаумбс совершил попытку к самобуйству, сбросив предосторожности, в том, что проделала в ограде мурлы, подвала решетки. Комиссар Вутс немедленно обвинял Вильяма Дობбса сообщением о том, что тот, видяще к преступнику, уже в руках помощника, комиссар Вутс официально уведомила сенатора, что тайным наблюдением, организованном инспектором Дажин Морнисом, установлено: пленников сенатора Кривга Набава, два вестра, в том числе отрезанные поаурметровые куски от бархатных портьер, хотя эти действия и не находятс в прямой связи с похищением Ут Дობбс. Наблюдение за Набабом продолжается.

— Дитрих, вы можете остаться, — сказала генерал Дорон, взглянув на часы, показывающие время 23.30.

Секретарь, надувший мягкую кошачью походкой к выходу из кабинета, застал, как извятие.

Просьбы генерала всегда звучали для него приказом.

Глава 2. Солдаты родины

— Господи! — Дорон встал, и это обстоятельство заставало подчиненных быстро переагнуться: стало официальное начало не предвещало ничего хорошего. — Некоторые веры назад Воннема позволили мне и попероса — я проверяю: попросил! — помощи, чтобы я мог Добира. Вы прекрасно знаете, вместе, что я не обязан выслушивать какаую просьбу министра, но в данной ситуации... Короле, я требую от вас исчерпывающих объяснений. Что скажете вы, Холл!

— Я узнаю о похищении Ут Добира из утренних газет.

— Та-а-ак, Вы, Рейдинг?

— Я впервые услышал имя девочки из телевизионных сообщений.

— Так! — Дорон шел и на секунду зааумался. — Прекрасно. Ситуация несколько меняется. Стоаь быть, нам необходимо принять экстренные меры для розыска ребенка. Наш Комитет не может оставаться в стороне, господа, ведь мы тоже солдаты своей родины!

При этих словах все трое поднялись и, словно при исполнении государственного гимна, молча по столам зааумались.

— Прошу садиться, — сказал Дорон. И когда все разместились на своих местах, строго и без вафоса спросил: — Вы уверены, господа, что риск полностью исключен!

— Да, юль, — твердо ответил Холл.

— Безусловно, — добавил Рейдинг.

— Отлично. Холл, вы можете переложить своих людей на поиск?

— Это в какой-то степени отаветит их от прямых обязанностей.

— Мы имеем дело со случаем, — строго произнес Дорон, — когда Комитет должен пойти на издержки.

— Могу, шеф.

— Шансы на успех?

— Трудно сказать, — Холл замаялся. — Очевидно, действует какая-то неутраченная шайка рэкриторов. Насущно требуется больше сил.

— Чего? — спросил Дорон. — и что пугаетесь тысячи кларков. Сто из них мы компенсируем из горнора сенатора Рейдинга. Я, в яш используюте в этом деле всю нашу силу.

— Специально для этого принаставлю, шеф?

— М-да, — сказал Дорон, вызвав внимание.

— И «Асаорент» профессора Чойза! Ели, шеф, Институт Перестановки. Проблем будет работать по указанию шефа.

— Чойза — оставьте! — решительно прервал Рейдинга генерал. — «Квартея» — продолжайте! График работы ИПШ срочно пересмотреть и увязать с новыми условиями. Операцию «Космос» перевести на режим абсолютной секретности. Мы все, господа! Ели наш амад наудат доверие. Вы понимаете, что это для нас значит!

— Да, генерал! — чуть ли не в один голос ответили присутствующие.

— Зааумалось, так и жау сообщений.

Рейдинг и Холл, по-военному попернувшись, пошли к выходу. Дитрих остался в кабинете. Когда дверь за участниками совещания закрылась, секретарь осторожно сказал:

— Что, Дитрих?

— Я хотел напомнить вам о комиссаре Гарде.

Генерал взглянул на гоуму:

— Зааумалось, так и жау. Спасибо, Дитрих.

Через час комиссар полиции Гарда входила в кабинет генерала Дорона.

Каждый раз, получив приглашение явиться, Гарда испытывала не то чтобы страх — наугать комиссара уже ничто не могло, — а какое-то мерзкое чувство, вызванное осознание под лежечку и лежачий присутствию тошноты. Гарда знала: спокойное течение его жизни, вечно и непременно нарушится, если кому-нибудь называть именем деятельность полицейского сыщика, всегда сопряженную с риском и смертельной опасностью. Но так же, как титроуль должно быть прогнано ослеплено на жаб, так и Гарда должна была прогнать ослепление Дорона. «За деньгами дела не ставят, комиссар!» — обязательно сложилс в конце разговора генерал. И, как всегда, давая согласие, Гарда будет думать не столько о своем доходе, сколько о неприятностях, возможных в случае отказа.

Деятельность Комитета, возглавляемого Дороном, была окутана сплошной неизвестностью. Даже Тайный Совет, не говоря уже о Службе Безопасности,

ласности, не располагая об этой деятельности полных сведений, Гитвина кого-либо из посторонних людей в обиду своих забот не стала бы нуждаться, но на мгновище приподнимай покрывала над Страшной Тайной своего Комитета — одно это обстоятельство делало очень невозможным. Дорон в одинаковой степени готов был и приблизиться к себе чужовика и безжалостно убраться его.

Совершенно до сих пор без предложения генерала, адресованного Гарду, не выходящая за пределы профессиональных забот комиссара. Кого-то найти, кого-то догнать, кого-то выследить и всего лишь малым об этом Дорон — Фреду — не сообщал. Команды, поговя и выселения Гарда никогда не знала, что казалось ему особенно противным. В нем по-прежнему сохранялся ощущение, что делает он дело нечестное, неискреннее. Единственное, в какой-то степени успокаивая Дорона, было то, что Комитет Дорона был все же государственной, а не частной организацией, хотя генерал не забывал подчеркивать, что его предложения комиссару носят «личностно-характерный» характер.

— Прос-с-сш! — свистящим шепотом произнес Дитрих, копящим движением скользящую вперед и открывая дверь Гардом дверь в кабинет.

Дорон еще издавая книгу комиссару на крысоло, давая жестно указавшемуся одному уголкам губ. Гарда тут же отмыла правую щеку, что как уместно указывать только собаки, оставаясь ладными губы. Руки генерала никогда никому не подавал, словно боялся получить экзему.

— Давно не виделись, — произнес Дорон, подвигая Гарду корону сидра.

— Давно, — коротко сказала Гард, вынимая свою сигарету.

Совершенно, не выходясь они с того момента, когда комиссар завалился делом профессора Михлера и сталкивался с Институтом Перспективных Проблем, входящим в систему генерала Дорона. Но вспомнить об этом Гард не имела желания, тем более что в этом кабинете с особой осторожностью относился к людям, обладающим хорошей памятью. Сюда надо было приходить «пустыми», а уходить отсюда так, как будто встречи и не было.

— Если не возражаете, — сказала Дорон, — и пригласую к делу.

— У сенатора Доббса пропал ребенок.

Гард вынул книгу.

— Выше просиди меня участвовать в поиске. Но вы понимаете, комиссар, мои оулки... И вы знаете, кроме того, как я отпущусь к вашему таланту.

Гард сохранила на лице каменное выражение.

— Подумайте, комиссар, в какой мере вы могли бы помочь мне. Разумеется, это мое личная проблема, а вы должны сами не сказать.

И все, и разговор можно было считать оконченным: это в одинаковой степени понимали и Гард и Дорон, как и то, что все дальнейшее будет зависеть сиромом, способным подкастить пильником. Уж как невозможно отказаться от предложения Дорона, Гард позавитаться хотя бы о сохранении внешнего достоинства — того, что называется «хорошо мной при плохой игре». Между тем умный и хитрый Дорон всегда позволял посторонним людям подкастить и на своем уровне, и на уровне высоко поднятой головы, полагая это своеобразной компенсацией за потерянную совесть.

— Итак, подумайте, комиссар. Дело чрезвычайное для меня времени. Срочно требуется. Дорон вынул книгу «дуть». В конце концов, думал он, ризиск Уг Доббс — дело безжалостное. От того, что полицией управлением оно поручено не комиссару Гарду, а комиссару Вутсу, благодарствя не убавится. Вутс будет искать реферативный Гард частным образом. Выход результат. Что касается Дорона и его забот в этой истории, то пусть его тайны остаются с ним. Доббс — сенатор и миллионер. Дорон тоже: кто знает, какими взаимными обязательствами связаны эти люди? Главное, найти ребенка и обезопасить шапку ректорства...

— Хорошо, генерал, — произнес Гард, и Дорон обменяно вздохнул, как будто комиссар мог сказать что-то иное. — Я лично участие в розыске не участвую. Буду писать, исследовать аппаратура будут предоставлять вам по первому требованию, — сказала Дорон.

— Вы же знаете, генерал, — заметил Гард, — что первый этап моей работы — кабинетный. Аналитический.

Дорон улыбнулся кончиками губ:

— Я лично, дорогой Гард, за результат.

— Отлично.

— Благодарю вас.

Гарда и Г, врасло подвиг голову, направившись к выходу. Дитрих невидимым движением распахнул перед ним дверь.

— Прос-с-сш! — произнес он свистящим шепотом.

— Комиссар, к вам Честер, — сказала Таратура, но Честер уже входил в кабинет Гарды.

— Давно ты сделала Таратуры вышибай? — произнес он вместо приветствия. — Или берешь пример с Вутса?

— Попытайся Фреду, я оченя завяла.

— Я тоже. Однако приехал. Читай!

— Что ты имеешь в виду?

— Он еще спрашивает? — воскликнула Честер. — Ты слышишь, Таратура, твой шик читает только те статьи, в которых сравнивается с Шерлоком Холмсом или Альфредом дав-Купером! Можно поумать, что и каждый день печатается в «Ньюкомбе» и что мой судьба ему безразлична!

Спокойно дожидаясь, пока иссякнет фонтан Честера, Таратура сказала:

— Не слышимо кто ты трясот?

И тут только Фред увидел на краю стола своей номер «Ньюкомба», открытый на той самой шестнадцатой странице, где под крупно набранным заголовком «Попор наших краеволася его статьи».

— Извинись, — сказала Таратура, что и он Гард отчаяно знали, что Честер извинится лишь в том случае, если посадит вместо себя на электрическом управлении. Впрочем, к Честеру это не имело отношения, но он боялся бы знать то, что имело комиссар полиции.

— Молчите, — мрачно констатировал Гард. — Бог с вами, я, собственно, к тебе по делу, Дэвид. Как тебе, Дэвид, Уг Доббс поручен дубинке Вутсу. Я уж не говорю о том, что он провалит следствие, но почему он не допускает журналистов к материалам поиска? Позвоны ему и попроси в личном порядке оказать мне услугу...

— Исключительно тыерски, — сказала Таратура, — смотри на этого человека! Это мой бывший друг Дэвид Гард, комиссар полиции, который ни разу в жизни не выпил со мной ни одной рюмки стер-Фреда или даже пивала, предзаказившая у меня одну жена Дэвид.

А Таратура решительным жестом остановила репортера.

— Ты нам меньше, Фред, — сказала он сухо.

— Честер, ты же не знаешь, как я завяла. Я делал все утомляю и делала, что выследялаж, моей статьи!

Гард подняла на Честера спокойные глаза:

— Мы расслышали исчезновение Уг Доббс.

Честер встал и снова сел.

— Вы? Тоже? Вот это да! Теперь я никуда не уйду, пока вы не прекратите выдвигать дурака. Выкладывает карты. Если ваша работа связана с тайной, я готов сотрудничать.

Гард и Дорон встали и направились указательный и безмысленный палец правой руки, что уже много лет служило у них приспой молчанию.

— Хорошо, — сказала Гард, и Таратура плотнее прижала дверь. — Мы работаем по поручению...

— Та-а-а-а, — протянул Фред, не скрывая своей озабоченности. — Положение меняется... В этом деле у Дорона есть свой интерес?

Гард и Дорон кивнули, но не ссут в другом, старина.

Мы кое-что посмотрели с Таратурой... Преодолевая картина Читай.

И Гард протянул Честеру лист бумаги. Рукот Гард там было написано: «5016 — количество детей, из скрапных ректората за последние три да. 4867 — количество детей, возвращенных за выкуп или найденных полицией. 149 — бесследно исчезнувших, хотя за этих детей выкуплены были внесены».

В чем же дело? — спросил Честер.

— Мы уже думаем, — ответила Гард. — Скорее всего, в стране действуют одна группа преступников, нарушающих нетеласый закон ректорства о возврате детей, за которых родители вносятся деньги. Впрочем, — Гард помолчала. — Впрочем, не будем торжиться с выводами.

— А что же будем делать? — сказала Фред.

Комиссар изучающе посмотрел на него:

— Этого я не знаю, старина! Будем! Ты будешь писать эти статьи, а мы с Таратурой будем...

— Ага, — спокойно констатировала Честер. — В таком случае я выдам сейчас гениальную работую

гипотезе, и если вы ее примете, попробуйте исключить меня из вашей команды. Идет?

— Интересно! — сказала Таратура. — Дорон, ты слышишь, это падла Газа к потоку и словно потоку, импровизирующий стихотворение, начал:

— Необходимо немедленно... разыскать родителей ста сороба девяти бесследно пропавших детей! Дорон, ты слышишь, один из почерк у преступников в ста сороба девяти случаях! Если один... Тогда ты прав: шапка ректоров, прадушка нового бога. А если нет... значит, под марку ректората действуют какой-нибудь маньяк, «блуждающий в сумасшедшем доме», который убивает детей и сумасшедшего дома, а на выкуп покупает картинку!

Тут уж ни Гард, ни Таратура не смогли удержаться от хохота.

— Случайно, кроважидный тип, — сказала отсмеявшись, комиссар. — Сочевание наша критический состав объявлено закрытым. Мы и так уже потеряли бесследно...

— Как бесследно!

— Девять ша, в арке я тебя завяла по дороге денег. Скажи худому, Фред, как верно у тебя забота на ближайше три-четыре дня?

— Хватит с меня того, что я ежедневно отчитываюсь перед Лидой, — мрачно ответила Честер. — Я не думаю... следовательно, Газа! — Если ты действительно хочешь нам помочь, возьми от этого списка пятнадцать адресов и срочно отправляйся работать.

Честер внимательно просмотрел список, переданный Гардой Таратурой, и обратил свой взгляд, полный уважения, на комиссара.

— С тобой противно иметь дело, — сказала он Гарду. — Я в вельких муках рожу гениальную гипотезу, а у тебя, оказывается, уже отпечатанный на машинке список! Не человек, а тогда кибернетика! Может, есть даже вопросник, тиснутой типографским способом?

— Дам, — спокойно сказала Гард, — хотя и не типографским. Ведь каждый из нас возьмет по пятнадцати адресов, и тогда мы сможем задать интересные вопросы, чтобы иметь ответ, поддающиеся систематизации. Сними копию с экземпляра Гарды.

— Дам, — спокойно сказала Гард, — хотя и не типографским. Ведь каждый из нас возьмет по пятнадцати адресов, и тогда мы сможем задать интересные вопросы, чтобы иметь ответ, поддающиеся систематизации. Сними копию с экземпляра Гарды.

Честер пятнадцать минут они вышли из кабинета, сели в разные машины и расстались, но потоком транспорта, несущегося по улицам города неизвестно куда.

Честер, правдой, успеха, позвонить Лиде.

— Дорон, — сказала он семейным голосом, — твой добрый друг ступил в ловушку и попал в отрывки на пороге миллионного каада, из которого он выведет тебе крупную долю, достоянную для того, чтобы купить прекрасные босножюки. Не волнуйся, Лиде, и поцелуй Дэвидка!

Затем Честер связался по телефону с трубкой, чтобы не слышать любезного ответа ступика.

22 мая в 11 утра сенатор Виллам Доббс обнаружил на сиденье своей машины записку следующего содержания:

«Откалоте полицию. Доставьте пятисот тысяч долларв в шестой от угла угла на улице Арен-Айк. 23 мая в двенадцать часов дня. Ваше дело будет отложено до пятнадцатого августа. В отрывки на углу Спитроуса и Сендэймэй. В случае нарушения условий или сажки за нами полиция Уг будет уничтожена. Будьтежалостель».

Через полчаса Центральная картотека полицейской департамента обнаружила, что потоком написанного записку по уголовному, политическому и превентивному каталогу не значится. Если через пятнадцать минут экспертиза установила, что чернильный соответствовал марке «Рождерс, изготовляемой фирмой «Поджиде и Инк», наиболее популярной у покупателей. Что касается бумаги, то она была типа «ИТА-75», производства фирмы «Поити-Тэри-Айк», и употреблялась большинством гимназия и университетов страны. Кусок был вырван из того места, где обычно располагается записка.

Работы города, прилегающие к названному в записке улицам, были немедленно взяты под усиленный надзор переодетой полицией.

Вечером 22 мая, когда Гард вернулся к себе в кабинет, ему позволила Дитрих и передала тобою содержание записки, полученной сенатором Доббсом.

Гард с интересом ожидал всяких сообщений. Неприветливо сказала Честер, что чрезвычайно интересными сведениями, полученными от пятнадцати неистых родителей. Потом появились Таратура, Узнав от Гарда о записке и мерах, принятых полицией, Таратура сказала:

— Не волнуйся, старина! Гладе Арен-Айк никогда не было и нет агентов...

Продолжение следств.

Анатолий ФЕДОРОВ

*Иду степями — а ли не росеши? —
Вдалью цвет синеюхи полей,
И ночью, несказаной, росистой,
Во мне вымлет душой росеи.*

(Сб. «Красные асы».)

Феликс ЧУВЧ

В ПОЛЕТЕ

*Иду полем — а ли не полнотей? —
Вдалью цвет крутятся колос,
И душу, в несказаный погоней,
Во мне вылетет с крыльям колос.*

*Взлечу высоко, в звездный зан небесец,
И ликю в оченю закручу слова,
Мне шепот высветанет месец,
Как ты скорбяе смотришь на двора.*

*Тут, чуйствоу, толкаю меня в бокец:
Ас, Чува, протекает где-то гран!
И я, свираючи в чей-то огородец,
Со свистом посади свой еропан.*

*Я люблю вас, ночи чермь!
Я люблю вас, ночи белмь!
... Воротаете, ночи чермь!
Воротаете, ночи белмь!*

Олга ФОКИНА
(Сб. «А за лесом — что?»)

ОЧИ ЧЕРНЫЕ

*Очи черные, очи мечие!
Не буряете вы агнеи, девочки,
С тускою идю в дни кичиче
К речке Содоние слушат поночку.*

*Сктерь белая, струни частые.
Речи-реченью, болно смелые.
Очи черные, очи страстмь!
Гусльри все спят, осовелые.*

*Я мутовкой вас усочу как раз.
Заведу в леса, в траве росеи,
Как люблю в вас, как боюсь в вас,
Очи черные — сабли остмь!*

ПАРОДИИ

*Что осеблост — мне в тлость,
Что всегда я — морачка,
Что Белое море — Стихля моя!
... Что Белое море,
Как белая горячка.
Не бдет мне покоев
И бушует во мне!*

Людмила ШИПАХИНА
(Сб. «Синий берег».)

БЕЛАЯ ГОРЯЧКА

*Волна с барашком белым вверху
взлетает.
Мы в Белом море — среди белая дня.
Воруж юнга белоборый замечает,
Что белая горячка у меня.
Со дня достали выморок мы немало.
А юнга — представать! — белое вино.
Вороной белой быть я не желала,
И вот брожу белая, как полотно,
Но белой кетить катушку я снова.
Возмужа белым чепухой над бортом.
О белом напишу опять бедою
И белым, мне советуют, стихом!*

спортсмен совершил за год редины в нашем футбольном сезоне — из дубля в основной состав своей команды и первой сборной страны. Слава оказалась непосильной ношей для Коменянина: он стал пренебрежительно относиться к тренировкам, нарушал спортивный режим и в результате закончил сезон так же, как начал его, — в запасных. Будем надеяться, что этот случай послужит хорошим уроком и для самого Анатолия и для других молодых спортсменов, обещающих со временем стать достойной сменой известным мастерам олимпийского футбола.

БРАТЯРЪ

Куралбек ОРДАБАЕВ — «Кайрат» Алма-Ата. 22 года. Сыграл 15 матчей. Выступал за молодежную сборную СССР.

ЗАЩИТНИКИ

Владимир БАЙШАНОВ — «Кайрат» Алма-Ата. 19 лет. 23 матча.

Роман ЖУРАВСКИЙ — «Динамо» Киев. 25 лет. 11 матчей. Выступал за молодежную сборную СССР.

Ростислав ПОТОЧНИК — «Карпаты» Львов. 23 года. 17 матчей. Выступал за олимпийскую сборную СССР.

ПОЛУЗАЩИТНИКИ

Лев БРОВАРСКИЙ — «Карпаты» Львов. 23 года. Мастер спорта. 29 матчей. Выступал за первую и молодежную сборные СССР.

Виктор ИКОЛОВ — «Динамо» Киев. 22 года. Мастер спорта. 25 матчей. 10 голов. Выиграл золотую медаль чемпиона СССР. Выступал за первую и молодежную сборные СССР.

НАПАДАЮЩИЕ

Владимир ГУЦАЕВ — «Динамо» Тбилиси. 19 лет. 9 матчей. 3 гола. Выступал за юношескую сборную СССР.

Анатолий БАЙДАЧНИН — «Динамо» Москва. 19 лет. 10 матчей. 3 гола. Выступал за юношескую и молодежную сборные СССР.

Владимир ДОРОЖЕВ — ЦСКА Москва. 21 лет. 26 матчей, 6 голов.

Под редакцией мастера
Виктора ЛЮБИНСКОГО

ПЕШИНА — НЕ РЕШКИ!

Чего греха таить: многие любители шахмат яже недооценивают, а в идею просто пренебрегают пешками, уделяя основное внимание фигурам. Однако по мере совершенствования в игре приходит все большее и большее уважение к скромной пешке. Нельзя не согласиться с метким ироничным замечательным французско-американским шахматистом А. Фидларом: «Пешка — душа шахмата».

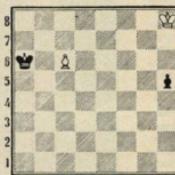
В начале шахматной партии продвижение пешек открывает поле деятельности для фигур, а в середине игры пешки — нестойкие — поможники фигур, а в авансюрных, угрожающих превращением в ферри. Произлистрируем это наглядными примерами из шахматной практики.

Вот как проявляется мощь миниатюрной пешки в одном из вариантов популярного начала — защиты Каро-Канн.

1. d2 — e4 e7 — c8 d2 — d4 d7 — d5 3. Kf1 — c3 d5 : e4 4. Kc3 — e4 Kf8 — f6 5. Kf4 — g3 Kf7 — h3! Отвечая внимание на головокружительную «партию» этой пешки.

6. c3 — g5 h5 — h4 7. Cf3 : f7 Kc7 g3 8. Cf6 — e6 e4 — e1 10. c4 — f4 e5 — f4 11. d4 — e5 Kf3 — h2 Положение пешки настолько критично, что, безумство, заслуживает диаграммы. Нельзя не только отметить, но и пешку в нового героя, но и остается с лишним словом.

Перед вами на следующей диаграмме изысканная пешечья отход выходящий из колхозового шахматиста Рихарда Рети, одного из крупнейших гроссмейстеров двадцатых годов.

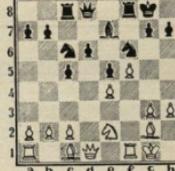
Условно обозначим в белые начинают — делают ничего — является непонятным. Не видно, как Белому королю догнать неприступную прохладную пешку — по имени, черная король находится рядом с пешкой, противником тем не менее решение есть! Оно заключается в простом, как знаменитое «колумбово яйцо».

Завуалированная идея заключается здесь в движении по диагонали, но пешка белого короля и юной пешки.

1. Kf3 — g7! h5 — h4 2. Kр7 — f6 h4 — g3. Ничего не дает черным и продо-

жение 2... Kр6 3. Kрe5! h3 4. Kр6 h2 5. c7 и т. д.

3. Kр6 — h2 4. Kр6 h2 4. c6 — c7, и цель белых достигнута.

Отличный пример пешечного штурма на фланге дал знаменитый русский шахматист М. Чигорин в партии с Э. Шинферсом, сыгранной в 1897 году в Петербурге. На диаграмме изображена позиция, возникшая после 12-го хода черных. Чигорин, играя белыми, предпринял смелый ход — пешку отнял у юной королевы и начал пешечную атаку d4, а затем развернул пешечное наступление на его короля.

13. c2 — c3 Kр6h — h8 14. Kf3 — e4 Kр6 — e8 15. Kрd1 — h2! Почувствительная атака, освобождающая поле для перероса белого юного.

15... Лав — e7 16. Kc2 — g1 Лс7 — d7 17. Фd1 — e2 Kр6 — f7 18. Kd1 — f3 c8 — d5. Контрударом пешки в центре черные пытаются организовать встречную игру, но она явно запаздывает.

19. Kf3 — h4! d5 — e4 20. Фe2 — e4 Kр7 — e1 21. Kр3 — g5 Cc7 : g5 22. Kd4 : g5 Kc5 — b6 23. Kр4 — e3! Энергичный и остросмысленный отход пешки оставляет сильное впечатление. Наглядно обобщить черные уже не в состоянии.

23... Kc6 — e5 25. Фe3 — h3 Kр7 — h6 26. Cc1 — h8 Kc8 — g7 27. Cb6 — g5 4 Kрh8 — g8 28. Kр6 — f8 29. Фd2 — Фh7 — e1, в черные выигрывают.

Второй распад шахматных пешек мы завершим изучением и то же время единственной в своем роде партии Кюле — Фаншбуага, сыгранной 14 лет назад в этом поединке белые одержали победу, играя только одним пешком!

1. e2 — e4 e7 — c5 2. b2 — b4 c5 — b4 3. a2 — a3. Разматривая так называемый сицилианский гамбит, в котором белым пешка жертвует пешку.

3... Kc6 — e8 4. a3 — b4 Kрb8 — f7 5. b4 — b5 Kc6 — b5 6. e4 — e5 Фb6 — e8 7. c4 — c5 Kрg8 — h8 8. Kрf1 — g2 Kрh8 — g7 9. c4 — c5 Kрb6 — d5.

10. b5 — b6! Решающий тактический удар, после которого черные славяно-испанский вариант 10... Фb6 — e8 11. Kрg1 — h2 12. Kрf1 — h3! Kc3! Kc3! 14. a3! Форсированно ведет белый к победе.

Мы открываем новую рубрику — «Начало». В ней мы будем рассказывать о первых шагах в искусстве. НАЧАЛО — это и освоения ученика умудренного мастера в своем давнем деле, об истоках пути художника. НАЧАЛО — это и первая роль, первая режиссерская работа, первый успех дирижерской палочки... НАЧАЛО — это молодость. На сцене, эстраде, экране...

**на
ча
ло**

О ТОМ, КАК
РЯЗАНСКИЙ
ГИМНАЗИСТ
ЭРАСТ ГАРИН
ПРЕВРАТИЛСЯ
В АРТИСТА
ЭРАСТА ГАРИНА.

МАСТЕР И ТЫ

Рассказано самим
Эрастом ГАРИНЫМ
нашему корреспонденту
Виктору СЛАВКИНУ.

Все началось с кино. Я учился в гимназии с сыном хозяина нашего рязанского иллюзиона. Этот сыночек что делал — он ножницами отхватывал от наших лент метр-полтора (так так можно было — не знаю...). Эти куски попадали ко мне, и я крутил их через свой детский аппаратик домашним — маме, сестре...

И был тогда в третьем классе рязанской гимназии господина Зельтоторова... Году в тридцать пятом я встретил его в Москве — он преподавал русский язык в турецком посольстве. «Ах, ах», — воскликнул бывший господин Зельтоторов, — каким знаменитым актером вы стали! Натворил кучу комплиментов. А недавно еду по Багатовскому кладбищу и вижу камень: «Н. Н. Зельтоторов».

А какой цирк привезжал к нам в Рязань Прелесть, что за цирк! Назывался циркаро — «Цирк Руссо», хотя фамилия хозяйки цирка была Подушарев. Первые два отделения — наездники, клоуны, а третье — чемпионат по французской борьбе. «Человек с железными руками» встречается с Аполлоном! Судил дядя Ваня. Был такой в цирке дядя Ваня, который всегда судил...

И театр тогда у нас в Рязани был отменный. Я сам в то время уже играл. В спектакле «Мадам Сен-Жен». Классическое «Кушать подано» провозносил и еще разных гостей объявлял. Но роль со словами мне дали не сразу.

Где-то летом семнадцатого года пришел я к Николасю Афанасьевичу Инстишу, он руководил нашим городским театром, пришел просто так, с улицы (мне было пятнадцать лет, с 902-го я). «Хочу к вам в статистику», — говорю. Вздых. И назначили выходить рабочим в горьковской пьесе, название запомнил. Вот я сейчас хочу вспомнить, что я чувствовал, впервые появившись на сцене... Перегугивал! Больше всего людей смотрело на меня. Хотя, если разобораться, я и виден никому не был. Меня заслоняла толпа таких же рабочих, что и я. Но не совладал с собой до конца спектакля, так и пошел домой на мягких ногах. А вот уже в «Сен-Жен» я освоился. Даже сестре понравился (а сестра моя была театралка, звали ее «Театр и искусство» Кугела). Она только сказала: «Что-то грим у тебя дурацкий, под Вертинского».

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

КРОВАВЫЙ

вал его в Театре киноактера. Ребята ходили. Я тогда еще не очень разбирался, что нельзя пропустить, а что можно. Вертинского, например, пропустил. Теперь пластинку до того заведу, что заведать стала, которую замкнул, и концерт держу, а тогда мог живого увидеть... И гордился бы сейчас, как гордился один мой товарищ, всего на три года старше меня: «Знаете, я какой старый, и «Принцессу Турандот» у самого Вахтангова видел. Помню, там вместо бород полотенца были».

— Я сейчас как бы заново переживаю свою молодость — я ставлю «Горе от ума» в Театре киноактера. Там у меня много молодых актеров. Молодой Чацкий... Чацкий даже несколько. Поэтому и буду называть их фамилии. Мне очень интересно с ними работать. И я, как могу, хочу передать им свой опыт работы в мейерхольдовском спектакле.

У Мейерхольда была манера: когда он сердился, он переходил с человеком на «вы». Мне он всегда говорил «ты»... Хотя чего не бывало! И спорили мы с ним, и уходил я из театра в кинематошку, и возвращался.

...Свой первый фильм, «Женитьба» по Гоголю, я постеснялся показать Мейерхольду. Представил себе, как он входит в просмотровый зал, а сам думает: «Что он там покажет?» От одного этого мурашки пошла по телу. А может быть, ему бы понравилось, ведь делался этот фильм по мейерхольдовским законам...

Что бы ни было, никогда не прерывалась моя внутренняя связь с Мастером. Я дружу с ним и сейчас... Будет моя книга, которую я назвал «С Мейерхольдом», спектакль «Горе от ума», который я ставлю в Театре киноактера, посвящая ему... А Ричард III и так и не сыграл в своей жизни походу, что слишком рано остался без Мастера.

Эрст Павлович очень внимательно слушает, когда ему что-нибудь говорит. Что бы такое рассказать, чтобы Гарину было интересно? И я все-таки рассказываю ему такую вещь. Как в вражеском театре «Чингизский клуб» кончается «Ревизор». Там после того, как появляются жандармы, следует хрестоматийная немая сцена, потом ходят все герои врассяваются, кто где стоял, вроде как перед дорогой, и, по-русски пригорюнившись, тихо-тихо начинают петь «Стень да стень кругом...». Помню, когда я смотрел, у меня чуть слезы на глазах выступили, что и должно быть при общении с Гоголем. А теперь мне так правилось рассказывать об этом, что я, несмотря на полное отсутствие слуха, спел Гарину «Стень». И он тут же потащил меня в соседнюю комнату: «Вот как это было у нас! На стене вилочка ушла и очень удлиненная фотография знаменитого мейерхольдовского финала «Ревизора». Вместо актеров в немой сцене стояли марионетки, куклы.

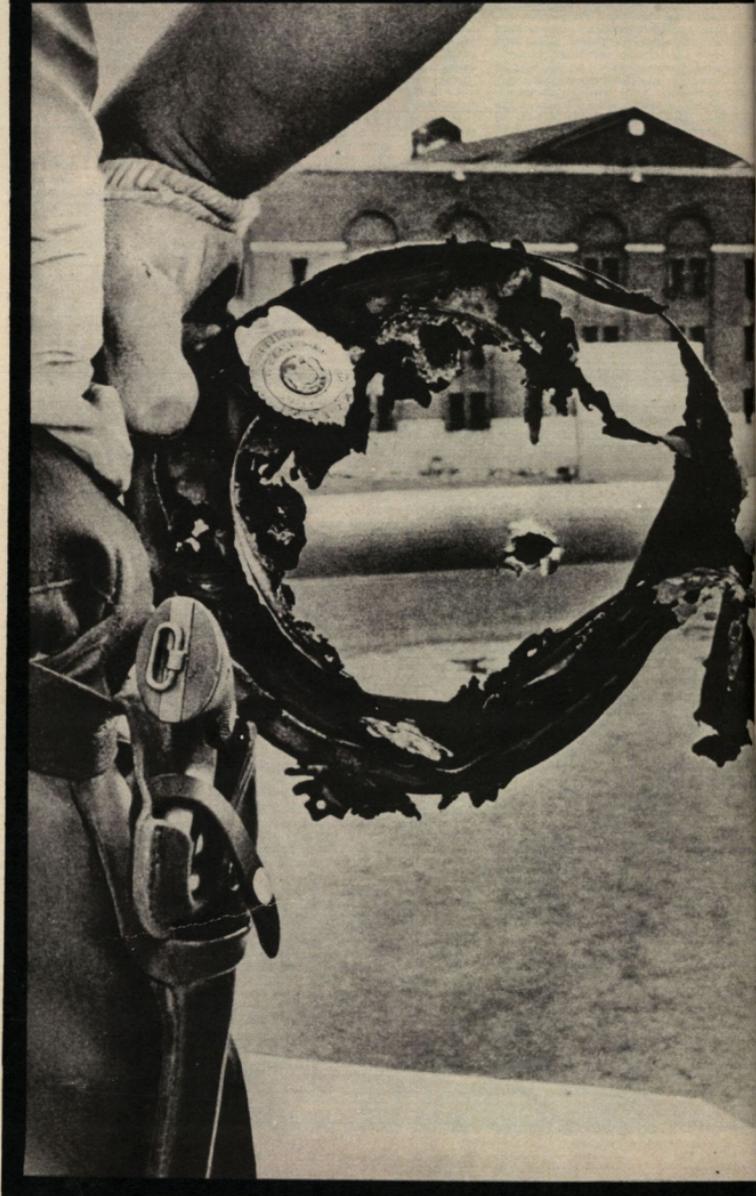
— Зритель сначала обалдевал, а потом бешено аплодировал, и только тогда живые актеры выходили кланяться... Но я не выходил, — говорит Гарин.

— Почему?
— Не-мог-да!
— Но почему?

— Я же уехал! Я уезжал в Петербург, потом два или три вилочки, письмо читают, помните — ах.. ох.. Как же я могу выйти, если я уже в Петербурге!

— Но в Большом театре Ленского убивают, а он все равно кланяться выходит.

— Не-ет. Я не выходил.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Горячие точки планеты:

АТТИКА

Мертвые числом 41 уже давно погребены. Расследование трагедии, которая произошла в понедельник 13 сентября минувшего года в тюрьме города Аттики, что в 25 милях к востоку от Буффало (штат Нью-Йорк), продолжается. Дело об убийстве 32 заключенных и в страданиях рухнет от новых кровавых подробностей и безжалостных выводов.

Аттика стала еще одним звеном в длинной цепи убийств, завовавшей американские тюрьмы: октябрь 1970 года — расправа с восставшими узниками в Нью-Йорке, два месяца спустя — в штате Вашингтон, начало августа 1971 года — в Детройте, июнь августа — в штате Калифорния.

Аттика стала еще одним звеном в длинной цепи убийств, завовавшей американские тюрьмы: октябрь 1970 года — расправа с восставшими узниками в Нью-Йорке, два месяца спустя — в штате Вашингтон, начало августа 1971 года — в Детройте, июнь августа — в штате Калифорния.

Но Аттика стала и символом насилия, все более разрывающего социальную ткань Соединенных Штатов. Именно в этой тюрьме из 2254 заключенных 35 процентов составляли негры и пуэрториканцы, а все до единого страданий были белыми; именно здесь, под видом уголовного содержания, немало антигетто негритянской организации «Морис Дикстера»; именно из Аттики попали на страницы журнала «Тайм» такие чудовищные фоты: «После окончания ночного узины зашло настолько далеко, что их бросили в одиночку, где не было ничего, кроме двух ведер — одно для пищи, другое для туалета. Возвращаясь в камеру, надзиратели намеренно путали их...»; именно в Аттике, наконец, восстановили выданную ультиматуму из 21 пункта, в котором тот же Дикстер написал, что они отнюдь не были неразумными: улучшение питания, возможность чтения прессы, свобода вероисповедания и т. д.

Честно для власти во главе с начальником управления тюрьм штата Нью-Йорк Расселом Освальдом, отнюдь не желавшим удовлетворить хотя бы одно из 28 требований, а губернатор штата Нелсон Rockefeller — посетить Аттику. Четыре дня «гражданский комитет посредников» (бывший конгрессмен-пуэрториканец Герман Вальдье, журналист из «Нью-Йорк таймс» Том Уингер, лидер «Черных пантеры» Роберт Сиа и другие) пытался удержать власти от ирреверентии. Трех последних дней, того самого понедельника, Рассел Освальд, синомандовал: «Начальник и тысячи полицейских и стражников при поддержке национальных гвардейцев пошла на штурм.

Вертолеты сбрасывали на тюрьму баллоны с дымовыми шарами, нагнетали хладнокровию «стреляли в оставшихся с иррыш и высоких стен. Когда бояня была закончена, начальником тюрьмы немедленно заявила печати, что делать из тридцати стражников, которые были захвачены узниками в качестве заложников, зверски убиты немцами в горло. Это оказалось неверно: 21 стражник была отпущен на свободу самими заключенными, но только началось побоечка, а те делать, по свидетельству судебно-медицинского эксперта Дюна Эдварда и других врачей, были убиты из дальнобойных винтовок. То есть напарники. В Аттике была создана «зона свободной огнем», изобретенная американцами во Вьетнаме.

Мертвые числом 41 уже давно погребены. Расследование трагедии 13 сентября в Аттике продолжается. Одним из главных свидетелей, показаний по этому делу следует считать выступление депутата законодательной ассамблеи штата Нью-Йорк Артура Ива на митинге в память жертв Аттики и за защиту заключенных Дэвиса «те, что находится у власти, приносит в жертву не только мужчин и детей — не только заключенных и заложников Аттики. Они пойдя решению принести в жертву любого человека, лишь бы это служило их цели...».

ТЯЖЕЛОВЕСНЫМ МОНУМЕНТОМ ВЫСЦИТСЯ КАРАТЕЛЬ В ТЮРЕМНОМ ДВОРЕ АТТИКИ. В РУКЕ ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ФУРАЖКИ СТРАЖНИКА, УБИТОГО ТАКИМ ЖЕ КАРАТЕЛЕМ-СПАЙПЕРОМ.

МЕЖДУ ДВУМА НИЖНИМИ СНИМКАМИ — ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ. ЗА КОТОРЫЕ ДВОР ЗАБИТЫ УНИКАМИ, ПРЕВРАТИЛСЯ В КЛАДБИЩЕ.

Рисунок Игоря .ВОРОБЬЕВА

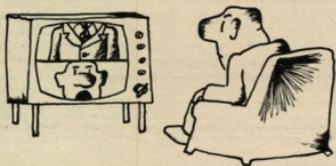
— ...1952? 1953? 1954? 1955? 1956?..

— ЗЕМЛЯ!

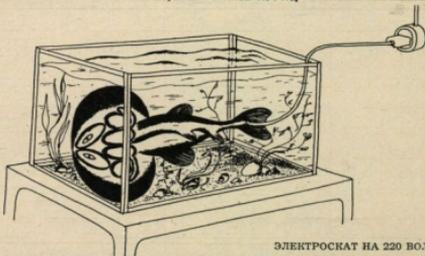
Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

— ПРОСТИТЕ, ЭТО ДЕВЯТЫЙ ЭТАЖ!

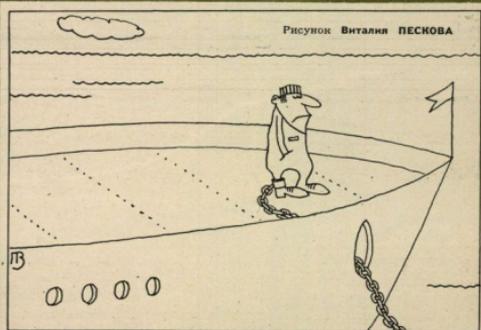

Рисунки Феликса КУРИЦ

ЭЛЕКТРОКАТ НА 220 ВОЛЬТ.

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 19/ХІ 1971 г. А 011010 Подписано и печати 10/ХІІ 1971 г. Формат бум. 70 × 108%.
Усл. печ. л. 5,60. Ум.-окад. л. 11,55. Тиражи 1 000 000 экз. Изд. № 6. Заказ № 2192.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРССВОРД

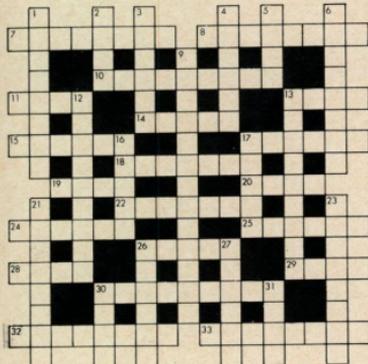
Составил Б. ВАСИЛЬКОВ, г. Москва

По горизонтали:

- Музыкальная комедия.
- Елочное украшение.
- Прибор, определяющий степень нагрева или окладения.
- Картина, персонаж сказки.
- Краткая застольная речь.
- Сорт яблок.
- Подстрочное примечание.
- Литическое стихотворение.
- Отличительная черта.
- Десерт.
- Спортивная площадка.
- Музыкальный ансамбль.
- Юноне созвездие.
- Сон медоносного растения.
- Автор пьесы «Матюша Кураи и ее дети».
- Белорусская живописная пьеса.
- Сосула для цветов и фруктов.
- Художественно оформленный нижний знак.
- Персонаж комедии Мальера - «Скупой».
- Прибор для отсчета времени.

По вертикали:

- Спортивная рыболовная снасть.
- Зарубежная разменная монета.
- Деталь затвора фотоаппарата.
- Постоянный купюрат, заказчик, посетитель.
- Стихотворение М. Ю. Лермонтова.
- Персонаж комедии К. И. Фонвизина «Недоросль».
- Вос корабль.
- Народный праздник проводов зимы.
- Хоровой дирижер, народный артист СССР.
- Точка небесной сферы на параллели и которой движется солнечная система.
- Часть инеоскопа.
- Торжественное открытие художественной выставки.
- Народный поэт Дагестана.
- Медленный вальс.
- Тип светильника.
- Определенный отрезок дистанции в эстафете.
- Разновидность товара по качеству.

ОТВЕТЫ НА КРОСВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

- Юрдоублет.
- Курканы.
- Ливаня.
- Аллего.
- Моро.
- Ателье.
- Мавни.
- Внут.
- Нания.
- Дось.
- Иллино.
- Гербарий.
- Народит.
- Шиницла.
- Настасья.
- Свидание.
- Карт.
- Айтас.
- Крэд.
- Ургани.
- Айсара.
- Тагил.
- Афавит.
- Малцов.
- Алдробатка.
- Составание.

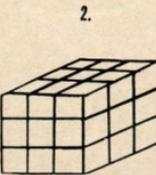
По вертикали:

- Полшиньяль.
- Ареслат.
- Гага.
- Пельмень.
- Нумизмат.
- Арча.
- «Либера».
- Островский.
- Коринион.
- Кресло.
- Людюр.
- Нарга.
- Иодль.
- Ешиов.
- Волна.
- Варабуля.
- Каттега.
- Филармония.
- Сузани.
- «Палада».
- Хангайков.
- Кислофон.
- Пузанок.
- Капнтан.
- Титр.
- Анз.
- Матч

Найдите десять различий между этими рисунками.

Деревянный куб окрашен со всех сторон в зеленый цвет, а затем расписан продольно и поперечно на 27 кубиков. Определите, сколько кубиков окажется неокрашенными, сколько кубиков будет окрашено только с одной стороны, сколько их окажется окрашенными с двух сторон, у скольких кубиков будут окрашены три стороны.

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОСТОИН ПЕСНИ
Бросались в бой, как в песню,
Всем сердцем, без остатка,
Горнсты революции,
Безусе солдаты...
И падали, как птица,
Своей прервав полет,
А песня, словно знамя,
За собой звала вперед.

Прпнес:

Никому пока мы не известны,
Но у нас в запасе целый век,
Каждый человек достоин песни,
Если он, конечно, человек!

Взымали в небо стройки,
Сметали все преграды
Страны республик,
Безусе солдаты.
Страну свою советскую

Вели на взлет!
А песня, словно знамя,
За собой звала вперед.

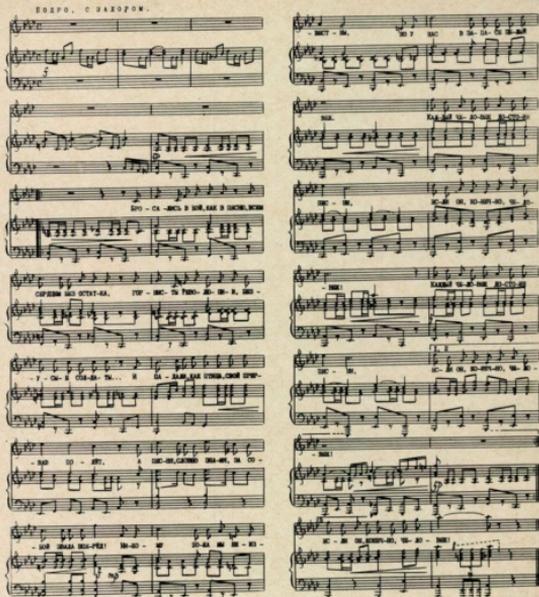
Прпнес.

А юность рвется в завтра,
И высшей нет награды,
Чем вахту революции,
Нести путя крмытныя.
И владыка искра ренниской
В сердцах жнвет,

И песня, словно знамя,
Каждый человек достоин песни,
За собой зовет вперед!

Прпнес:

Никому пока мы не известны,
Но у нас в запасе целый век,
Каждый человек достоин песни,
Если он, конечно, человек!

Слова Карины ФИЛИППОВОЙ

Музыка Кирилла АКИМОВА

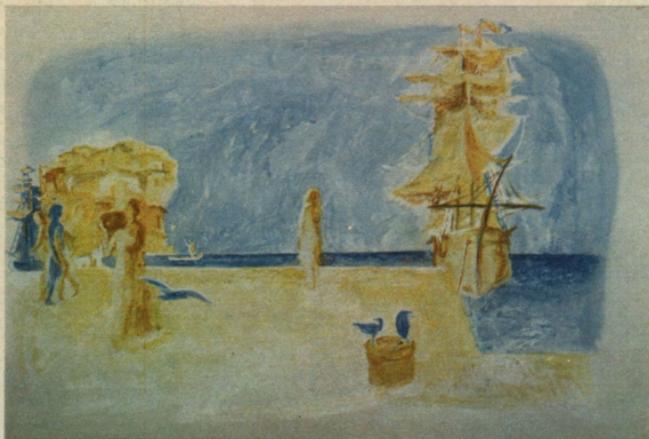
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 24

43	29	39
33	37	41
35	45	31

Десять фигур состоят из четырех одинаковых элементов, а две (3 и 8) имеют только по два одинаковых элемента.

ЦВЕТЫ НА СОЛНЦЕ

В 18-м номере нашего журнала за прошлый год мы рассказали о молодой художнице, выпускнице ВГИКа Анатолии Анфиловой, познакомили читателей с ее работами. Но на стендах «Смены» были представлены двое — Анатолий и Галина Анфиловы: муж и жена. Они отличны в своих творческих манерах, непохожи в восприятии жизни, но их работы удивительно удачно оттеняли и дополняли друг друга.

Итак, сегодня перед вами Галина Анфилова. Она родилась и выросла в Симферополе, недалеко от Черного моря. Момент быт, поэтому ей так удалось впоследствии, когда она стала художником — постановщиком кино, сценарии и фильмами «Бегущая по волнам», «Моя папа капитан». Дипломной работой Гали были гринписные «Алые паруса», и в творческой памяти художницы надолго осталось романтическое ощущение моря, влияние образов любимого писателя. На выставке «Смены» мы увидели анимации «Ассоль», «Причал», написанные недавно. Трудно выделить центральному тему в творчестве молодой художницы. Мы показывали серию ее работ на темы русских народных сказок. А рядом — картины, написанные в сегодняшней манере, недалеко от города Калинин: тут девушки на плотах полощут белье и гуси тянут белье шен, тут праздничный жорнов красен на поле во время уборки урожая.

И еще надолго запомнятся цветы — такие яркие, сочные, живые, вобранные в себя всю палитру, весь спектр, как будто они не на земле, а на солнце выросли. Таково художническое видение мира, его ощущение, доброе и солнечное, щедрое и оптимистичное.

Наталья ДМИТРИЕВА

Наша выставка

«НАСТЯ».

«СКАЗКА
О МОЛОДЫХ
ЯБЛОКАХ».

«ПРИЧАЛ».
(по жемчужной повести
А. Грина
«Алые паруса»).

«ЦВЕТЫ».

«КОЛОБОК».

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820